

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОЭТОВ ИГОРЯ ЧИННОВА И ЮРИЯ ИВАСКА 1962–1963 ГОДОВ

*Вступительная статья, публикация, подготовка текста
и комментарии О.Ф. Кузнецовой*

Публикуемая переписка* рассказывает о литературной и преподавательской деятельности русских эмигрантов в Америке в начале 1960-х гг., отражает настроения, царившие тогда в русском зарубежье.

Это было время перемен. В мире происходили события, которые значимы и по сей день. Оттепель в СССР. Карибский кризис. Призыв Джона Кеннеди, ставшего в 1961 г. американским президентом, к разрыву «порочного и опасного круга» холодной войны. Об этом он говорил июне 1963 г., выступая с речью в Американском университете в Вашингтоне. Начались первые контакты между эмигрантскими и советскими писателями. В эмигрантских кругах возникли надежды на возможность завоевать советского читателя. Мир менялся.

В судьбах двух поэтов первой волны эмиграции — Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996) и Юрия Павловича Иваска (1907–1986) — тоже происходили перемены. Изменение места жительства, места работы. Чиннов едет в американский университет преподавать русскую литературу. А потом — главное — у них вдруг появляется возможность создать в эмиграции литературно-художественный журнал, ориентированный именно на читателя в СССР, при этом, в соответствии с новыми веяниями времени, — без «политиканства» и «антикоммунизма». О таком только и могли мечтать эмигранты первой волны. И есть все основания надеяться на успех этого начинания и на поддержку коллег по литературному цеху — оба, Чиннов и Иваск, люди известные и уважаемые в русском зарубежье, у них широкий круг знакомых в литературных кругах, большой культурный багаж, а их твор-

* Переписка И.В. Чиннова с Ю.П. Иваском публикуется по материалам, хранящимся в Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова ОР ИМЛИ РАН, в архиве Чиннова (письма Чиннова — Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 20, 21; письма Иваска — Ф. 614. Оп. 3.3. Ед. хр. 3; Оп. 3.4. Ед. хр. 9). Письма Чиннова воспроизводятся по находящимся в его архиве ксерокопиям автографов. Ксерокопии сделал Иваск, разбирая свой архив в конце жизни, и послал их Чиннову. Письма Иваска — это авторизованный машинописный или рукописный текст. Ввиду большого объема переписки, в данной публикации приводится лишь часть имеющихся в архиве писем за 1962–1963 гг. Текст писем публикуется по нормам современной русской орфографии и пунктуации, с сохранением, по возможности, стилистических особенностей.

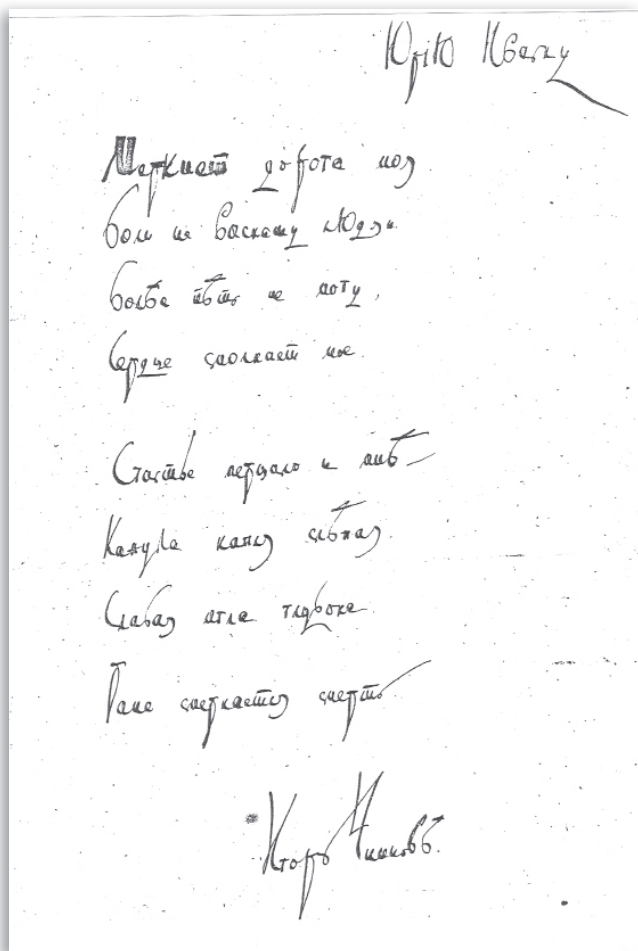
чество и общественный темперамент замечены и оценены в эмиграции. Им обоим за пятьдесят. Много пережито.

В годы революции их родители оказались эмигрантами в отошедшей от России Прибалтике. Там, после поражения советской власти, были созданы буржуазные республики. Чиннов с родителями жил и учился в Латвии. Иваск — в Эстонии.

В 1934 г. на территории этих государств установилась военная диктатура.

В том же 1934-м они, начинающие тогда молодые поэты, и познакомились. Оба сотрудничали в парижском литературно-художественном журнале «Числа»¹ — одном из лучших эмигрантских изданий. Журнал держался в стороне от политики, политических группировок и публиковал авторов, ориентируясь в первую очередь на их талант, а не на политическую ангажированность. Там могли печататься молодые, еще не получившие признания авторы. Туда и присылали свои ранние стихи, эссе Чиннов и Иваск.

Иваску понравилось опубликованное Чинновым, и он написал ему письмо, Чиннов — ответил. Так началась их переписка, длившаяся

Ил. 11. Автограф стихотворения И.В. Чиннова, подаренный им Ю.П. Иваску. 1934

несколько десятилетий. От переписки 1930-х гг. сохранилось всего несколько больших, на несколько страниц, писем Чиннова. Приведу оттуда отдельные строки, дающие представление о мироощущении эмигрантской молодежи тех лет и о пережитых жизненных испытаниях, формировавших судьбы и характеры.

Так, в январе 1935 г., рассказывая новому другу о себе, 25-летний Чиннов писал: «Краткие сведения обо мне: русский (Чинновы — Тупов — прус[с]аки, но уже 300 лет в России, мать и бабушка по фамилиям шведка и полька, но обрусевшие). Жил до пяти лет (себя хорошо помню) в деревне, был очень живой, но потом изменился, отчасти, — теперь излишне взрослый, хоть и живу на счет родителей, и немного боюсь полной самостоятельности.

Еще: от моих обоих дедов, скончавшихся от жуирства, у меня дурная наследственность в смысле слабости; лет 6-ти путешествовал — почти вся Европа, но все неясно.

В России, в 1918-ом, отец трижды еле избегал смерти, да и мы с мамой, — это мешает любить народ. Дядей моих двоих расстреляли (они военные), один, 3-й, спасся. Теперь в Камре<нрзб>, в окрестностях, в торговом английском флоте учит английскому и тем живет.

Я антибольшевик, но это не вполне ясно мне»².

Как много пережитого осталось вне этих «кратких сведений».

Чиннов не пишет, что их семья бежала из Риги с отступающей Белой армией на юг России, что в Ставрополе родители заболели тифом, и он, девятилетний, ночевал в нетопленном зале суда — отец его был судьей. Что они вернулись в Ригу, уже не советскую, потеряв все. Богатые родственники отца приютили их в подвале, и Ирик — так звали Чиннова в детстве — смотрел из подвального окна на роскошных дам в бальных платьях, которые гуляли по чудесному саду, и плакал от унижения. И за себя, и за родителей. Их не приглашали на званые вечера. «Мама, из древнего, знаменитого рода Корвин-Косаговских, должна была стоять на рынке и продавать цветы из этого сада! Она не умела продавать. Никто не покупал», — вспоминал Чиннов. «Дядей моих двоих расстреляли...» — это о братьях матери, красавцах-военных (сохранились фотографии), сражавшихся за царя и отечество.

Был у них в роду и знаменитый революционер, воевавший против царя, за народ и отечество — старший брат матери — двоюродный — любимец всей семьи — Петр Якубович³, видный деятель «Народной воли», поэт, автор нашумевшей книги «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника», которую он писал в Акатуевской тюрьме, куда попал за революционную деятельность. Он умер за несколько лет до революции, когда Чиннову было два года. Все детство Чиннов слышал

рассказы матери о своем знаменитом дяде, который и в быту, а не только в партийной борьбе, болел душой за народ, и вел себя просто как блаженный — готов был отдать — и не раз отдавал — свою одежду какому-нибудь нищему.

Еще одной семейной легендой был другой предок со стороны матери — декабрист Александр Якубович⁴, который тоже отстаивал народные интересы и тоже жестоко поплатился за это — после восстания 14 декабря его приговорили к 20 годам каторги в Нерчинских рудниках.

Так что фраза Чиннова в письме «любить народ» — из круга обычных понятий их семьи. Для мужчин в их роду естественным было служить благу России, народу. Отец Чиннова, демократ по убеждениям, тоже всю жизнь служил закону и народу. Служил честно, потому, видимо, Чинновы никогда и не были богаты.

В конце концов, из подвала в Риге Чинновым удалось выбраться — отец юного Чиннова смог получить место судьи, и Чиннов, окончив гимназию, поступил в 1931 г. в Латвийский университет, где и учился на юриста, живя, как он пишет, «на счет родителей».

Вот строки из еще одного письма студенческих лет, где Чиннов со всей юношеской серьезностью и откровенностью проговаривает свое жизненное кредо, которое в главных, мировоззренческих, смыслах сохранил на всю жизнь. 11 октября 1934 г. он писал Иваску: «...не хочется уже печататься в эмиграции. Здесь почти нет ответа никому, ни даже молчаливого, не надо писать ни для кого. Вероятно, несколько человек похожих в главном на, например, Вл. Варшавского⁵, здесь есть, но “круговой поруки” здесь, по-моему, не может быть, а без этого ничего не надо. <...> Но если хотеть жить, то нельзя не понять, что смысл жизни, едва ли не наибольший, ее самое живое значение, сейчас в России: там какая-то разноактивная сущность жизни, а у нас какое уж: “торжество, победа и бессмертие”.

Жизнь даже Адамовича⁶ здесь не имеет смысла, сейчас не эпоха “малых дел”, “умного делания”, “тайной внутренней работы”. И никакое сосредоточение, никакое совершенствование не может искупить вины и ненужности. Уже нельзя писать для двух-трех, а иначе здесь писать совсем нельзя, эмигранты (а “латвийцы” и прочие вообще не стоят, чтобы думать о них) стали еще мельче, и не надо быть около них. А Европа и немцы, о которых Вы пишете, все-таки чужие. Я почти ничего не знаю, но это наверно.

Как Вы собираетесь прожить жизнь? Надо непременно что-то изменить, я совсем не знаю, как буду жить здесь, слишком все смешноватое. Адамович сказал, что литература рождается в темном погребке личности, но человек не останется в погребке навсегда, или погибнет. Понимаете, Бога, может быть, и нет, — кто знает! Но есть смерть — или

загробная жизнь, отрабатывание жизненных недоимок, — есть нелепо сложившаяся жизнь человечества. И темный погреб, мерцающий в нем иногда человеческий светляк, все с самосовершенствованием связанное, — в мире слишком ничтожны.

А там есть, хоть и изуродованное, подобие всеобщности, общего дела, братства, всечеловечества, общей борьбы против мертвого, никаким Богом не ведомого мира. Там живет Орфей, там у него есть помощники. Теперь человеку не прожить одному — надо же чувствовать наше время!

Я перечитал свои прежние писания — и верно, и неверно. Жалко отказываться от всего, а надо, так нельзя жить. Мне скоро двадцать пять, через год, но все-таки, и тогда надо кое в чем с самим собой сговориться — чтобы жить»⁷.

По сути, эти же приоритеты, эти же сомнения — поиски Бога, высшего смысла жизни, одиночество, ощущение ограниченности эмигрантского пространства, вера в Россию — все это стало основой мировоззрения и тканью стихов Чиннова, порой скрытой от читателя усмешкой, иронией, а иногда и ерничеством.

В публикуемой ниже переписке 1960-х гг. видно, что эти же жизненные постулаты, стремление «служить России» лежат и в основе попыток Чиннова пробиться журналом к российскому читателю.

Обсуждают они с Иваском в этих письмах и другие темы. Например, они говорят об Адамовиче, с которым в 1960-е гг. и Чиннов, и Иваск дружили и переписывались.

Но в 1930-е гг. о дружбе начинающих поэтов из Прибалтики с кумиром всей парижской молодежи, лучшим критиком эмиграции речь, конечно, не шла. Чиннов вспоминал, что, получая в Риге журнал «Числа», он первым делом кидался читать Адамовича.

О том, как современники воспринимали Адамовича, почему именно вокруг него собралась группа молодых поэтов русского Парижа, почему он стал властителем дум, вспоминал писатель-парижанин Владимир Варшавский.

В своей книге «Незамеченное поколение», вышедшей в конце 1950-х гг., Варшавский задавался вопросом: чему у Адамовича могли научиться «молодые»? И отвечал: главным было то, что смысл человеческой жизни, по словам Адамовича, должен быть «в победе над материей, в освобождении». Уход от материального, от нищеты, бесперспективности и бессмысленности эмигрантской жизни в духовную сферу — в этом путь творческого и личностного совершенствования.

Адамович напоминал, что духовность русской литературы XIX в. основана на христианских ценностях.

Варшавский рассказывал, как на одном из собраний «Адамович совсем уже определенно заявил, что русская литература XIX века была как бы новым взрывом сил, вошедших в мир с христианством». В том, что Адамович «научил “молодых” такому подходу к искусству, — писал Варшавский, — я вижу величайшую его заслугу. В те годы было много разговоров об эмигрантской миссии хранения “священного огня”»⁸.

Адамович пытался восстановить в сознании молодежи рвущуюся связь времен. Да он и сам был живым воплощением этого прошлого, разрушенного мира — друг Николая Гумилева, его соратник по петербургскому «Цеху поэтов».

Георгий Иванов вспоминал, что «Гумилев и в стихах, и в жизни старался делать все, чтобы напомнить людям о “божественности дела поэта”»⁹.

Георгий Адамович, оказавшись после революции в Париже, шел тем же путем, рассказывая молодежи о поэзии, в которой виден «след непосредственных встреч с Богом. <...> Похоже на то, будто какие-то отважные и гениальные аэронавты оторвались от земли, и, постраниковав “в мирах иных”, вернулись сюда»¹⁰.

«Именно об этом говорили мы в лучшие часы Монпарнасса, — свидетельствовал Варшавский, — и от этих разговоров рождалось странное волнение, предчувствие возможности содружества и братства. “Молодых” влекло к “петербургским поэтам” чувство, что это совсем особенные люди, еще заставшие то легендарное время, когда возвращались на землю последние из “отважных и гениальных аэронавтов”. Желание дослушать в пустыне эмигрантского одиночества повесть об этом великом и безумном полете и породило “парижскую школу”»¹¹.

Ил. 12. Г.В. Адамович

В 1930-е гг. поэты «парижской ноты» группировались вокруг созданного старшими петербуржцами журнала «Числа».

Адамович, выступая в конце 1930 г. на вечере «Чисел», где развернулась бурная дискуссия и речь зашла об аполитичности журнала и его «скрытой религиозности», говорил: «Поколение, представленное “Числами”, ищет ответа на важнейшие вопросы бытия. Оно чувствует обязанность напомнить о темах, забытых сейчас в России: смерть, Бог, судьба... Оно, может быть, и не религиозно, но знает о месте религии в культуре. Не говоря о России, оно помнит о ней...»¹².

Позднее, в 1960-е гг., в письме Чиннову, Адамович писал о своем отношении к религии: «Я вовсе не против “церковности”, — как Вы пишете, — нет, чем дольше живу, тем больше нахожу в ней нужного и вечного, сквозь все лицемерное или обветшалое. Эстетически это во всяком случае едва ли не лучшее, что люди создали. Но сейчас я не об эстетике говорю. <...> Очень бы мне хотелось написать кое-что на темы “божественные”, т. е. христианские. Но не знаю, когда напишу и как об этом писать (две опасности: или бесстыдство, или патока, — и не знаю, какая хуже)»¹³.

У поэтов «парижской ноты» сложилась определенная поэтика. Приверженцы этого направления писали сдержанно, сухо, избегая стилистических изысков, и о главном для каждого человека — о смысле жизни, любви, смерти.

Позже в письмах Иваск, противник поэтики «парижской ноты», не раз спорил о ее органичности с Адамовичем и Чинновым.

Адамович в статьях сформулировал особенности этого литературного направления, обусловленные тяжелой исторической ситуацией, в которой оказались русские эмигранты. В статье «Невозможность поэзии» (журнал «Опыты», 1958, № 9) он говорил о невозможности прежней поэзии в сложившихся условиях. Ощущением невозможности не только поэзии, но и жизни после безвозвратной гибели старой России, был пронизан сам воздух — в 1930-е гг. уже мало кто в эмиграции надеялся, что «все это» ненадолго.

Как передать это поэтическими средствами, как выразить чувство опустошенности, растерянности, глубокой скорби? Громкие пафосные слова, как и бытовые, мелкие темы, неуместны и фальшивы. Ища новых путей, поэты «ноты» стали писать сдержанно, обходясь только самыми простыми словами, и, помня о «божественности дела поэта», — только о главных, последних вещах — тех, о которых думают и говорят на пороге смерти.

«У бездомных, у лишенных веры отцов или поколебленных в этой вере, у всех, кто не хочет принять современной жизни такой, как она дается извне, — обостряется желание знать самое простое и главное: цель жизни, смысл смерти»¹⁴.

Суженность тематики, сжатой до основных, краугольных вопросов бытия, обедненность словаря, отсутствие всяких красот стали основными параметрами поэзии «парижской ноты».

В письме от 6 октября 1963 г. Чиннов объясняет Иваску, что «Адамовичу все не “окончательно, безусловно необходимое, заключительное, предельное” представляется <...> чем-то, чего вполне всерьез он принять не может». И, добавляет Чиннов: «Я эту точку зрения разделяю».

Чиннов принял поэтику «парижской ноты». Он пишет о вещах «безусловно необходимых» человеку, стоящему на краю «черной ямы», его лирический герой из книги «Монолог» почти улавливает «какой-то луч» «нездешней, невозможной жизни»:

Порой замрет, сожмется сердце,
И мысли — те же все и те:
О черной яме, «мирной смерти»,
О темноте и немоте.

И странно: смутный, тайный признак —
Какой-то луч, какой-то звук —
Нездешней, невозможной жизни
Почти улавливаешь вдруг...

Чиннов приводил в пример это типичное для «ноты» стихотворение, объясняя: «Здесь есть слова, очень существенные для “парижской ноты”: “какой-то луч”, “какой-то звук” — так сказать, световое, зрительное и слуховое — слова, означающие то, что как бы нашу жизнь пронизывает»¹⁵. Реальные луч и звук «нездешней» жизни. Невозможной? А, может быть, возможной?

В двух первых сборниках Чиннова, «Монолог» (1950) и «Линии» (1960), «парижская нота» очень явственно слышна. Но постепенно он начал от нее отходить. В следующих книгах у него появились более яркие, образные стихи. Но и тогда его герой продолжает искать высший смысл жизни, хотя и «не отвечает небо». Так, в книге «Метафоры» (1968) он пишет:

Видимо, напрасны обращения —
Обвинения, благодарения —
Ясно, что не отвечает небо.

Все-таки — посмотришь ранним вечером:
Светится голубоватым глетчером.
(Знаю сам, что холодно и немо.)

Видимо, и нет престола Божия:
Только небо, на покой похожее,
Серебрится, бледно золотится.

Это просто метеорология.
(Отчего заговорил о Боге я?)
Вечереет. Кажется, зарница.

А вот Юрию Иваску, безусловно ценившему Адамовича, поэзия «ноты» не была близка. Он считал себя последователем Г.Р. Державина и определял свой поэтический стиль как «необарокко».

Но расхождения в поэтических предпочтениях не помешали дружбе двух поэтов. В значительной степени их объединял общественный темперамент, та самая идея «служения России», ради воплощения которой предки Чиннова шли на каторгу и гибли. У Иваска не было таких прославленных предков. Он — из купеческой семьи. В 1920 г., спасаясь от большевиков, они из Москвы уехали в независимую Эстонию, где Юрий Иваск поступил на юридический факультет Тартуского университета и, еще студентом, создал в Ревеле (совр. Таллин) русский литературный журнал «Русский магазин». Он вспоминал, что тогда, в 1930 г., в свой журнал он «решил пригласить наиболее литературно-левых писателей. Написал Алексею Михайловичу Ремизову¹⁶, но уже не помню — что именно он прислал для журнала. Как-то не решился тогда пригласить Марину Цветаеву. Написал Борису Поплавскому»¹⁷.

Потом Иваск все же решился и пригласил М.И. Цветаеву участвовать во втором номере, послал ей уже вышедший журнал. Цветаева ответила из Парижа: «Многоуважаемый Г<осподи>н Иваск,

Письмо и «Русский Магазин» получила. Участвовать согласна. Условия (2 фр<анка> строка) подходят»¹⁸.

Но выпустить Иваску удалось всего один номер журнала — не было денег.

А в Тартуском университете он организовал студенческий кружок по изучению СССР, за что в 1932 г. был выслан из Ревеля.

Позже, во второй половине 1950-х гг., оказавшись в Америке, Иваск был несколько лет редактором другого литературного журнала — «Опыты»¹⁹, который своей демонстративной аполитичностью походил на «Числа».

Чиннова и Иваска связывала и многолетняя эпистолярная дружба — так сложилось, что они никогда не жили в одном городе, но всегда использовали любую возможность, чтобы встретиться, пообщаться. Наверно, еще больше их сдружило то, что Иваск женился на «бывшей

девочке» Чиннова Тамаре Георгиевне Межак. Сам Чиннов их и познакомил. Чиннов рассказывал, что когда-то, в Риге, Тамара была его девочкой. В войну друзья потеряли друг друга. Переписка прервалась и возобновилась лишь в конце войны, когда Чиннов был в немецком трудовом лагере в Вуппертале, куда немцы вывезли его из Риги в конце войны. Иваск с женой в это время оказались в лагере для перемещенных лиц в Гамбурге. У Чиннова все родные погибли, он остался совершенно один, и ближе, чем семья Ивасков, у него никого не было.

В послевоенные годы друзья помогали друг другу — сначала Чиннов, хотя и сам очень бедствовал, посылал Иваскам в лагерь в Гамбурге посылки из Парижа. (В Париж заключенных из лагеря в Вуппертале перевезли после освобождения.) Потом Иваск, перебравшись в США и получив возможность заработка, слал посылки в Париж Чиннову. Иваск — чуть старше Чиннова, поэтому иногда держится по-отечески. В 1954-м Иваск защитил диссертацию на отделении славянских языков и литератур Гарвардского университета и стал доктором философии, а вскоре и профессором русского языка и литературы Канзасского университета в США.

В начале 1960-х (с этого события начинается публикуемая переписка) он меняет место работы — переезжает в Сиэтл (в письмах у Иваска дано написание «Сеаттл») и начинает преподавать в Вашингтонском университете. А на свое место Иваск рекомендует взять Чиннова, тогда уже известного в эмиграции поэта и сотрудника мюнхенского отделения радиостанции «Свобода» с десятилетним стажем. В Мюнхен Чиннов перебрался в свое время из Парижа.

Чиннов рассказывал о радиостанции, где начал работать с 14 марта 1953 г., почти с самого момента ее открытия. Первая передача «Свободы» (сначала она называлась «Освобождение») вышла 1 марта 1953 г. Сотрудники в тот день не знали, что как раз в ночь на 1 марта 1953 г. у Сталина случился инсульт. Объявили о его смерти, как известно, только 5 марта. Но, несмотря на это потрясшее все основы событие, идеологическая машина работала без сбоев. Едва первая передача из Мюнхена вышла в эфир, в СССР тут же заработали глушители. И все-таки писатели первой волны эмиграции, работавшие на «Свободе», надеялись на восстановление связи с русскими слушателями и читателями.

Радиостанция была основана Американским Комитетом по освобождению от большевизма, созданным в 1951 г. По замыслу руководителей Комитета, штат сотрудников «Свободы» должен был состоять из русских эмигрантов. На должность директора Русских программ был приглашен уважаемый в мире ученый, литературовед Владимир Вейдле²⁰. А он, в свою очередь, позвал Игоря Чиннова, с которым был хорошо знаком еще в Париже, на должность редактора отдела новостей.

Чиннов вспоминал, что в соседних редакциях, рассчитанных на другие республики Советского Союза, главный упор делался на «расчленение» СССР. Его это возмущало, как и Владимира Вейдле, который «снобировал» членов Комитета — на общих собраниях руководства демонстративно говорил только на русском, хотя блестяще знал и немецкий, и французский.

Как редактор отдела новостей русской редакции Чиннов готовил «Панорамы», рассказывающие о западных новостях, особое внимание уделяя событиям культурной жизни.

В 1954 г. Чиннов писал еще и фельетоны «Беседы зоотехника Егора Петровича Идеиноного колхоза “Красный хомут”» под рубрикой «У “нас” и у “них”», которые сначала передавались в эфир, а потом печатались в эмигрантской газете «Новое русское слово». Потом Егор Петрович появился в известной песне А.А. Галича «Егор Петрович Мальцев хворает, и всерьез...» («Баллада о сознательности»). В фельетонах Чиннов высмеивал разные недостатки в хозяйственной жизни, признаки коррупции в СССР. Seriously в Советском Союзе с коррупцией начали бороться позже — в 1962-м был принят закон о смертной казни за взятки в особо крупных размерах.

В 1955 г. Чиннов обратился к руководству Комитета с предложением делать передачи об эмигрантских писателях (своих друзьях, оставшихся в Париже). По этому поводу он писал откровенно, что в творчестве эмигрантских писателей «крайне мало того, что можно было бы назвать апологетикой свободы и “ответом” на тоталитаризм. Сравнительно мало в эмигрантской литературе и нужных нам патриотических мотивов. <...> И зачастую лишь с помощью тщательно продуманных купюр и “отсебятины” в форме ремарок удастся составить некий концентрат, доходчивый и имеющий пропагандный смысл. Но, повторяю, надобность в таких скриптах велика, особенно в скриптах на литературные темы, именно в силу большой восприимчивости советского человека к литературе и, в частности, к поэзии. Что и побуждает меня браться за эту работу»²¹.

Чиннову важно было, чтобы хоть кого-то из эмигрантских писателей слышали на родине. В результате, ради «пропагандного смысла» (на что Чиннов сделал особое ударение в письме к руководству Комитета, чтобы его заинтересовать), идея была принята. И передачи о русских писателях стали периодически выходить в эфир на «Свободе».

Например, Сергей Маковский, редактор знаменитого петербургского «Аполлона», писал Чиннову 17 сентября 1955 г.: «...Ваше милое письмо с вложением текста Вашей “передачи” о моей скромной особе на Восток отечественный... Спасибо за отзыв о моих эмигрантских трудах! Читал и, благодаря Вас мысленно, диву давался: неужели кому-нибудь в бывшей России мои писания могут быть интересны?!

Сочувственного слова об “Аполлоне” в советской печати не довелось прочесть ни одного <...>. Напишите мне, о ком еще состоялись такие “передачи”. Напишите также, что Вы думаете об изменившейся международной “погоде”. Чувствуется мне, что, невзирая ни на какие “улыбки и тосты” дипломатов, — не к добру все это неопределенное благодушие. Вам в Мюнхене — виднее...»²².

Чиннов, как и Маковский, переживший две войны, тоже не очень верил в устойчивость «международной погоды», тоже боялся новой войны и искал возможностей уехать из Европы. К 1961 г. эта проблема стала очень актуальной. В разделенном Берлине разгорается опасный конфликт между советскими и западными войсками, в результате Кеннеди посылает в Берлин военных парашютистов и 25 июля 1961 г. в телеобращении к нации говорит, что США готовы к войне за Западный Берлин.

И хотя возведение Берлинской стены разрядило ситуацию, Чиннов в 1962 г. все же переезжает в США, тем более что работа на радиостанции тяжелая, а Иваски очень зовут. Да и сам Чиннов рад перебраться поближе к своим друзьям. Вопрос о принятии Чиннова на должность преподавателя, в звании профессора, решился довольно быстро и на выгодных для Чиннова условиях.

Вообще, в американских университетах не брали на преподавательскую работу людей старше 50 лет. Так что относительно Чиннова Американскому сенату пришлось принимать специальный билль, дающий ему право занять этот пост в 53 года.

У Чиннова внушающее доверие прошлое: дворянские корни, диплом Латвийского университета, даже служба в американской армии, которая оставалась в Париже после окончания войны и в которую Чиннов, бывший заключенный немецкого лагеря, был зачислен на год солдатом. В послевоенном Париже Чиннов очень бедствовал. Чтение общественных лекций, преподавание немецкого языка в русской гимназии, знакомство с парижской эмигрантской элитой — жизнь насыщенная интеллектуально, но заработать на жизнь удавалось с трудом. В результате пришлось уехать работать в Мюнхен. На радиостанцию «Свобода».

В послевоенные годы из Европы в Америку уезжало все больше эмигрантов. Там было гораздо легче получить работу. Наиболее «престижной» в эмигрантской среде была преподавательская работа в университетах. А в 1960-е гг. русские преподаватели становились все более востребованы — в Америке увеличился интерес к русскому языку, особенно после полета в 1961 г. в космос Юрия Гагарина. Эта служба прилично оплачивалась и, главное, способствовала выполнению избранной эмигрантами «первой волны» миссии по сохранению,

развитию и распространению русской культуры: «Мы не в изгнание, мы — в послание...».

В 1960-е гг., благодаря оттепели, стала понемногу налаживаться связь эмиграции и с читателями из СССР. За границу стали приезжать советские поэты, конечно, в очень избирательном составе. Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский собирали на свои выступления целые залы, встречались с эмигрантскими писателями, обменивались книгами и увозили с собой эмигрантскую литературу. Так «Треугольная груша» Вознесенского, 1962 года издания, была подарена Чиннову с дарственной надписью автора. Как и «Нежность» (тоже 1962) Евгения Евтушенко, написавшего: «Дорогому Игорю Владимировичу Чиннову с общей любовью к поэзии» (обе книги сохранились в архиве Чиннова). Чиннов не остался в долгу, одарив «советских» со своих книжных полок, чем мог, да и своими стихами. Стало возможным даже посылать почтой что-то из печатной продукции (и иногда литература доходила!).

У писателей эмиграции появилась перспектива попытаться восстановить связи между культурой старой России, которую они сохраняли столько лет, и советскими читателями. Редактор выходившего тогда в Мюнхене эмигрантского альманаха «Мосты» Г. Хомяков²³ писал: «Реальная задача, решению которой мы можем помогать», — «посильное содействие сохранению и развитию» русской культуры и «помощь трудной работе по восстановлению ее на родине»²⁴.

Американские университеты, ища новые возможности для влияния на умы в СССР, стали выпускать книги русских авторов. Иваск отмечает в письме от 22 мая 1963 г., что в Мичиганском университете издали Б.Л. Пастернака, печатают Н.С. Гумилева!

Мечта о собственном журнале при вновь открывающихся возможностях Иваска очень вдохновляла. Тем более что Иваск уже имел редакторский опыт.

Думал об этом и Чиннов, да и многие из первой эмиграции. Идея буквально витала в воздухе.

В конце 1962-го Чиннов появился в Канзасском университете, а уже в начале 1963-го профессор этого университета Освальд Бакус²⁵ обратился к нему с идеей выпускать при университете литературный журнал.

До оттепели эмигранты в своих издательских планах рассчитывали на собственные силы, на русских меценатов, но теперь появилась надежда, что издание журнала может быть оплачено через университет.

Как раз в это время стало известно, что прекращается субсидирование альманаха «Мосты». Этот литературный альманах выходил при Центральном объединении политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ). И вот теперь, в начале 1963 г., ЦОПЭ закрывалось. «Мосты»

оказались без издателя. И Освальд Бакус планировал возобновить это издание.

Чиннов и Иваск начали строить планы. Иваск 22 апреля 1963-го писал Чиннову, что журнал должен быть «конечно, белый, абсолютно белый, но без злопыхательства. В каждом номере симпозиум, дискуссия, например, можно было бы начать с литературы эпохи оттепели <...> Библиография и информация». Чиннов со своей стороны предлагает «дискуссию об абстрактной живописи — чем интересуются в СССР (+ скульптор Э. Неизвестный)»²⁶.

Но вскоре становится ясно, что именно на «Мосты» денег университету не добыть из-за их антисоветской направленности.

Чиннов писал редактору «Мостов» Хомякову 7 ноября 1963 г., что, возможно, «американские правительственные круги, в конце концов, отпустят средства на издание журнала — но журнала, ничем не связанного с ЦОПЭ», потому что хотят избежать в журнале «политиканства» и «активного антикоммунизма», который был характерен для политики, проводимой ЦОПЭ. А значит и для «Мостов». И действительно, хотя Хомяков делал свой «литературно-художественный и общественно-политический альманах» как издание не партийное, как «витрину», «форум» для обсуждения мнений, все же, по его словам, «общее направление у нас есть, и без него мы, эмигранты, теряем всякое свое значение — это направление антикоммунистическое»²⁷.

При начавшемся тогда потеплении в советско-американских отношениях, после Карибского кризиса в октябре 1962 г., напугавшего весь мир реальной ядерной угрозой, «антикоммунизм» стал нежелателен. Теперь даже председатель Американского Комитета, руководивший работой радиостанции «Свобода», старался высказываться максимально политкорректно на любые советские темы, в том числе о Сталине. Например, о такой политкорректности писала сотрудница радиостанции «Свобода» Наталья Бергхаус Чиннову 26 февраля 1963 года: «На той неделе будем праздновать десятилетие радиостанции. Я в этот вечер вызвалась на вечернее дежурство, потому — я личность асоциальная. Сейчас к нам как раз нагрянули из всех столиц Европы — Ризер, Виктор Франк и Газданич²⁸ — это, по-видимому, для специальной передачи по случаю десятилетия со смерти Сталина — этого события, которое, по выражению уважаемого председателя нашего Комитета, “изменило ход истории — будь то к худшему, или к лучшему”. Дело вкуса»²⁹.

Следуя новым приметам времени, в эмигрантских кругах заговорили о возможности возобновления журнала «Опыты», известного своей аполитичностью.

Чиннов пишет Иваску о том, что в его университете хлопочут о деньгах для новых «Опытов» под редакцией Иваска и Чиннова.

Ил. 13. И.В. Чиннов. 1970-е гг.

Но 22 ноября 1963 г., в день убийства Кеннеди, одна эпоха закончилась, началась другая.

И все же пять дней спустя, 27 ноября, Иваск пишет Чиннову: «Очень ли нужны журналы? Нужнее всего Американского Комитета. Их читает культурная интеллигенция, академик Виноградов, и, вероятно, некоторые из его студентов, м<ожет> б<ыть>, Андрюша Вознесенский <...> Должен быть журнал в Канзасе: и будет!»

Значительно позже, в конце 1970-х, Владимир Вейдле обратится к Иваску и Чиннову с предложением подумать о создании нового совместного советско-эмигрантского журнала «Опасные связи». Но идея

ими была отвергнута — для «советских» участие в таком журнале было действительно опасно — грозило лишением свободы. Да и силы не те. Оба, и Чиннов, и Иваск — уже на пенсии.

Юрий Иваск за годы, прожитые в эмиграции, выпустил шесть книг стихов. Но поэтического признания, о котором так мечтал, в общем, не получил. Он был больше оценен как составитель известной антологии эмигрантской поэзии «На Западе» (Нью-Йорк, 1953), как редактор «Опытов», как критик, литературовед, автор статей и эссе о поэзии. Позже под редакцией Иваска и с его предисловием вышло «Избранное» В.В. Розанова (Нью-Йорк, 1956). В 1974 г. в Берлине издана биографическая книга Иваска «Константин Леонтьев». В 1977 г. в Москве в самиздате вышла его поэма «Играющий человек», переизданная после смерти автора издательством «Третья волна» (Париж — Нью-Йорк, 1988).

В Иваске сочетались редко соединяющиеся качества — основательное знание поэзии и умение глубоко ее чувствовать, что дается далеко не всем литературоведам. А его общественный темперамент в эмиграции нашел своеобразное применение — он вел огромнейшую переписку. В том числе и с советскими литераторами.

В июле 1983 г. Иваск побывал с туристической группой в России — в Ленинграде, Москве, Новгороде. С Чинновым они долго обсуждали предстоящую поездку — друзья опасались, что Иваском как эмигран-

Ил. 14. Ю.П. Иваск. 1979

том может заинтересоваться КГБ. К эмигрантской литературе, к эмигрантским писателям отношение в СССР было настороженное. Распространение выпущенных на Западе книг было под запретом. За это могли арестовать. Когда Иваск приехал в Москву, его встретил московский литератор, исследователь творчества Бориса Поплавского, А.Н. Богословский³⁰, с которым Иваск несколько лет переписывался и с которым по почте они обменивались книгами. Он показывал гостю город, музеи. Иваск благополучно уехал.

А вот Богословского через год, в мае 1984-го, арестовали.

По обвинению в распространении эмигрантской литературы. В том числе и той, которую Иваск ему посылал. Хотя ничего он не распространял и антисоветской пропагандой не занимался, а занимался Поплавским. Приговор — три года лагерей. Даже в годы перестройки изданное на Западе априори признавалось в СССР антисоветским и было под запретом.

Чиннов, Иваск, другие деятели эмиграции писали протестные письма в различные инстанции. Но безрезультатно. Богословский вышел из лагеря уже после смерти Иваска.

Умер Юрий Павлович Иваск в Амхерсте (штат Массачусетс), возвращаясь со своей очередной лекции из университета, где он много лет был профессором и возглавлял отделение русской литературы.

Что касается Чиннова, то в начале 1970-х он все-таки вынужден был еще раз примериваться к «редакторскому стулу». Тогда Роман Гуль³¹, редактор «Нового журнала», предложил ему соредакторство. Но по ряду причин сотрудничества не получилось. Наиболее существенная из них — географическая удаленность «стула» от места пребывания будущего соредактора. Чиннов тогда преподавал в Вандербилтском университете США и жил в Нашвилле, а журнал выходил (и выходит) в Нью-Йорке.

В эмиграции Чиннов издал восемь книг стихов, его охотно печатали в журналах, о его творчестве на Западе написано около 100 статей и рецензий. Многие считали, что после смерти Георгия Иванова именно Чиннов унаследовал звание «первого поэта эмиграции». Но в СССР его

не печатали. «Почему? — говорил мне Чиннов с обидой. — Ведь у меня в стихах нет ничего антисоветского!»

Он дожид до падения коммунистического режима в СССР и увидел все-таки свои публикации в России — в «Огоньке», в «Новом мире», в «Литературной газете» и др. Успел составить три новых сборника стихов³² для издания в России. Но при его жизни появились только два из них, а третий, избранное, вышел уже после смерти. Вышел в России и двухтомник собрания сочинений Игоря Чиннова³³.

Сохранилась открытка Чиннова из Америки в Москву, написанная 19 августа 1991 г. Это памятный день. Тогда танки были на улицах города и цепи отчаянных москвичей, взявшихся за руки, стояли живым щитом перед Белым домом, защищая «новую Россию». И выстояли. Чиннов в открытке писал: «Саша, друг дорогой, ну какое счастье, что обошлось! Не отходил от телевизора три дня: смотрел и слушал Москву. Ура!»³⁴.

А осенью 1991 г. — не прошло и двух месяцев после событий 19 августа и смены политического курса России — Чиннов приехал в Москву в числе членов редколлегии «Нового журнала». Ему было за восемьдесят, а путь неблизкий, но все же — рискнул. И выступал со своими стихами в Фонде культуры, в Доме журналистов, Доме литераторов. Тогда же Чиннов побывал в Ленинграде.

Об этой поездке он опубликовал эссе с символическим блоковым названием «И невозможное возможно», где писал: «Не чудо ли? Да, разве не чудо, что пригласили русские люди “недорезанного буржуя” ступить на подсоветскую еще русскую землю? Что в России читал он при полных залах свои стихи? Что мог он, приглашенный, не турист, лоб перекрестить в дивных кремлевских соборах, всматриваться восторженно в поистине божественную рублевскую “Троицу”? Что мог восхищенно глядеть на блеск и величие былой славы российской в Оружейной палате? Не чудо, разве, что <...> мог поковылять по граду Петра и Пушкина, поклониться прекрасному Смольному собору, у Николы Морского поставить свечу за упокой души Анны Ахматовой? <...> Мои стихи, посвященные памяти Юрия Иваска, неожиданно оказались и обо мне:

А в старости была ему улада
Увидеть блеск державный Петрограда.
И он смотрел, взволнованный, влюбленный,
На Стрелку, на ростральные колонны.

Да, нежданно такая улада досталась и мне. <...> И, не боясь декламации, продекламирую, как де Голь³⁵, приехавший в так называемый Ленинград:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!»³⁶.

Умер Игорь Владимирович Чиннов в небольшом флоридском городке Дейтона-Бич на побережье Атлантического океана, куда он переехал, выйдя в отставку в звании заслуженного профессора. Прах, по его воле, захоронен в России, на Ваганьковском кладбище. А архив, библиотека, предметы интерьера из кабинета поэта были переданы, согласно его завещанию, в Москву, в Отдел рукописей ИМЛИ РАН, где на основе этого дара был создан Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Журнал «Числа» выходил в Париже в 1930–1934 гг.

² Чиннов И. Монпарнасские разговоры. Из писем 1930-х годов Юрию Иваску / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Ольги Кузнецовой // Новый мир. 2007. № 10. С. 154.

³ Якубович Петр Филиппович (1860–1911) — народоволец, поэт. Псевдоним по революционному подполью — Александр Иванович. Он взял себе этот псевдоним в память о своем предке — декабристе Александре Ивановиче Якубовиче. Он был значимой фигурой в революционном подполье: в предисловии к его книге «В мире отверженных» о нем рассказывается, что «после ареста одного из руководителей “Народной воли” Г.А. Лопатина и разгрома народовольческих организаций Якубович фактически остается во главе петербургского революционного подполья. Писателю удалось организовать в Дерпте, на квартире студента Переляева, тайную типографию, в которой был напечатан десятый номер “Народной воли”» (Движанинов Б. П. Якубович и его книга о каторге // Якубович П.Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника: В 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 1. С. 4). Вскоре после этого, в 1884 г., Якубовича арестовали, приговорили к смертной казни, которую позже заменили каторгой. Так он оказался в Акатуе. С 1895 г. Якубович жил в ссылке в Кургане. К марксистам он не примкнул. В 1905 г. снова был арестован. На свободу вышел тяжело больным. Рукопись его книги «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника», которую он писал в Акатуе, долго не публиковалась, хотя была тайно передана из Акатуевской тюрьмы родственнику, Василию Якубовичу, профессору по детским болезням. Позже в ее издании принял участие сын П. Якубовича, ученый-пушкинист Дмитрий Якубович.

⁴ Якубович Александр Иванович (1792–1845) — декабрист. С 1826 г. отбывал срок заключения на Нерчинских рудниках, с 1839 г. был на поселении в Иркутской губернии. Его описывает Д. Мережковский в книге «Александр I и декабристы» (Нью-Йорк, 1955).

⁵ Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1977) — писатель, литературный критик. С 1926 г. жил в Париже. Он тоже сотрудничал в «Числах». Известен своей книгой «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956). Термин «незамеченное поколение» после вы-

хода книги вошел в обиход — так стали называть детей эмигрантов первой волны, покинувших Россию в юном возрасте.

⁶ Адамович Георгий Викторович (1894–1972) — поэт, литературный критик, сотрудник журнала «Числа». И.А. Бунин считал его первым критиком эмиграции (см.: Иван Бунин. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 679, примеч. 4. (Литературное наследство; т. 84)). Эмигрировал в 1923 г., поселился в Париже. Там, после войны, они с Чинновым и познакомились. Адамович известен как главный идеолог литературного течения, названного «парижской нотой». Наиболее яркие представители «ноты»: А. Штейгер и Л. Червинская, в послевоенные годы — Чиннов. В эмиграции у Адамовича вышли две книги стихов: «На Западе» (Париж, 1939), «Единство» (Нью-Йорк, 1967), сборник статей «Комментарии» (Вашингтон, 1967) и др. С 1951 г. в течение десяти лет Адамович жил в Манчестере и преподавал в университете русскую литературу. Тогда и началась их переписка с Чинновым. О стихах Чиннова им написано несколько статей.

⁷ Чиннов И. Указ. соч. С. 149, 150.

⁸ Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 181, 182.

⁹ Иванов Г. Петербургские зимы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 217.

¹⁰ Варшавский В. Указ. соч. С. 179, 180.

¹¹ Там же. С. 180.

¹² [Б. п.] «Искусство и политика. Вечер “Чисел”» // Числа. 1930–1931. Кн. 4. С. 260.

¹³ Из письма Адамовича Чиннову от 18 апреля 1966 г. (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.1. Ед. хр. 1. Л. 60).

¹⁴ От редакции // Числа. 1930. Кн. 1. С. 6.

¹⁵ Игорь Чиннов. [Интервью] // Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Кн. палата, 1991. С. 23.

¹⁶ Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) — писатель, получивший известность еще в России. В студенчестве за участие в беспорядках был арестован и сослан на север России. Эмигрировал в 1921 г., с 1923 г. поселился в Париже. После войны Чиннов, живя в Париже, часто бывал у него в гостях. Тогда Ремизов взял советский паспорт. Но возвращаться в СССР не хотел. Ему было уже за семьдесят. Чиннов вспоминал: «В последнее десятилетие жизни в Париже Ремизов, наконец, появился во французской авангардной печати. Но несколько последних лет он очень страдал — слепота положила конец и ремизовской прекрасной каллиграфии и его замечательным рисункам. Наиболее существенные из книг Ремизова — “Взвихренная Русь” (1927), “Шумы города” (1921) и “Слово о гибели Русской Земли” (1917). Нередко он перелагал своим орнаментальным языком известные литературные сюжеты — но это находило мало ценителей. К сожалению, его высокое литературное мастерство не могло заменить некоторый недостаток духовной питательности» (цит. по: Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980 годы. По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 26).

¹⁷ Цит. по: Поплавский Б. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма. М.: Христианское изд-во, 1996. С. 453. Поплавский Борис Юлианович (1903–1935) — поэт и писа-

тель первой волны эмиграции. При жизни поэта вышла только одна книга его стихотворений «Флаги» (Париж, 1931). Два его романа «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес» полностью были напечатаны посмертно.

¹⁸ Цветаева М.И. Письмо Ю.П. Иваску. 7 ноября 1930 // Цветаева М.[И.] Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 7. С. 380.

¹⁹ Журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958) в 1955–1958 гг. редактировал Иваск.

²⁰ Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979) — историк искусства, публицист, литературный критик, поэт. Он очень ценил стихи Чиннова, написал о нем несколько рецензий. Они с Чинновым много лет были в переписке.

²¹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 4.2.1. Ед. хр. 4. Л. 1, 2.

²² Там же. Оп. 3.1. Ед. хр. 14. Л. 20.

²³ Хомяков Геннадий Андреевич (псевд. Г. Андреев, Н. Отрадин; 1906–1984) — писатель, журналист. С 1959 г. редактор альманаха «Мосты», издававшегося при ЦОПЭ (Центральное объединение политических эмигрантов из СССР). После закрытия ЦОПЭ Хомяков все же сумел продолжить издание на частные пожертвования до 1970 г. Но в момент переписки Чиннов и Иваск об этом еще не знали.

²⁴ [Хомяков Г.А.] В отраженном свете. «Мосты», эмиграция, Россия / Андреев Г. // Русская литература в эмиграции = Russian emigrate literature: Сб. ст. / Под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург: Отд-ние слав. яз. и лит. Питтсбург. ун-та, 1972. С. 313.

²⁵ Бакус Освальд Прентисс (Oswald Prentiss Backus; 1921–1972) — американский историк, профессор Канзасского университета в Лоренсе (с 1950 г.), специалист по истории Литвы и России времен феодализма. Автор книги «Причины отъезда западнорусских аристократов из Литвы в Москву, 1377–1514» (США, 1957) и других научных работ.

²⁶ Из письма Чиннова Иваску от 6 июня 1963 г. (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 62). Неизвестный Эрнст Иосифович (1925–2016) — скульптор. В 1962 г. Н.С. Хрущев резко критиковал его работы. Автор многих скульптур, в том числе надгробия на могиле Хрущева на Новодевичьем кладбище.

²⁷ [Хомяков Г.А.] Указ. соч. С. 311.

²⁸ Имеются в виду радиожурналист Виктор Владимирович Ризер (по отчиму — Шиманский Витольд; ум. 1986), критик и журналист Виктор Семенович Франк (1909–1972) и, видимо, писатель Гайто Газданов (1903–1971) — они работали в лондонском и парижском корпунктах радио «Свобода».

²⁹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 4.2.1. Ед. хр. 17. Л. 9.

³⁰ Богословский Александр Николаевич (1937–2008) — литературовед. Он собирал материалы о поэте Борисе Поплавском. Список этих материалов и послужил основой для обвинительного приговора по статье 190-1 УК РСФСР. Она предусматривала наказание за «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания. Наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей». Статья была отменена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР только 11 сентября 1989 г.

³¹ Гуль Роман Борисович (1896–1986) — писатель, журналист, главный редактор «Нового журнала». С Чинновым они были много лет в переписке.

³² В России вышли книги Игоря Чиннова: «Эмпирей» (М.: Христианское издательство, 1994), «Алхимия и ахинея» (М.: Христианское издательство, 1996), «Загадки бытия. Избранное» (М.: Христианское издательство, 1998).

³³ См.: Чиннов И. Собрание сочинений: В 2 т. М.: Согласие, 2000. Т. 1 / Сост. О.Ф. Кузнецова. 575 с.; 2002. Т. 2 / Сост. О.Ф. Кузнецова, А.Н. Богословский. 352 с.

³⁴ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 11. Л. 15. Открытка адресована А.Н. Богословскому. После возвращения из лагеря он продолжал поддерживать с Чинновым переписку. Открытка не была отправлена.

³⁵ Президент Франции Шарль де Голль (1890–1970) был в СССР в 1966 г. В Ленинграде он выступил с речью, где говорил об огромной роли Ленинграда в победе над фашизмом, а в завершении по-русски процитировал строки из «Медного всадника» А.С. Пушкина.

³⁶ Чиннов И. «И невозможное возможно» // Новый журнал. 1992. № 187. С. 364, 365.

1

ИВАСК — ЧИННОВУ

University of Washington. Far Eastern and Russian
Institute. Seattle 5, Washington. 9.I.1962

Дусенька!

Наконец, я чего-то добился — приглашение Чиннова в Америку¹. Вопрос — достойна ли она, Америка, автора МОНОЛОГА И ЛИНИЙ!² Но вот что-то конкретное. Ты уже должен был получить приглашение от Генриха Штаммлера³. Для полноты картины посылаю тебе его письмо мне.

На полях приписано чернилами:

Письмо прошу вернуть.

Очень советую обдумать.

Уж я постараюсь выговорить тебе самые лучшие условия:

Минимум 6500 бакс (как здесь доллары в просторечии именуются) с ежегодными повышениями. У Чиннова должно быть особое положение: философ Штаммлер, историк Бакус и невероятная канзасская личность Сам А.⁴ должны особенным образом с тобою обращаться, как с цацей, как с розовым идолом и персидским фазаном (из поэзии Адамовича)⁵. Поэт будет преподавать в Канзасе! И это будет не утомительно, хотя часов 12–13 в неделю. Язык преподавания исключительно русский!

Что и говорить — Лоренс просто городок, но с красивым кампусом. Однако, дитя, это полезно для твоего здоровья: восемь с половиной ме-

сяцев поста. Но на Рождество — Мексика — дешевая экскурсия; а потом лето — Нью-Йорк или Европа. Час езды: огромный Канзас Сити, где бывает опера, где есть хороший музей, кафе. Как-нибудь съездишь в безумный, декадентский и прелестный Новый Орлеан — но я там, к сожалению, не был. Это в устье Миссисипи. С неграми и французами. И друг к другу будем еще ездить в гости. Цель — перетащить тебя к нам, в Сеатл, но сейчас еще не могу.

В письме трудно все рассказать: но после того, как Канзас лишил меня, — у Штаммлера уже не жизнь, а малина, и у всех будущих славистов... И они будут ухаживать за тобой, кормить и доставать негрятенок и индианок (в качестве прислуги). К тому же, — много по-немецки говорящих коллег. Но, конечно, придется тебе научиться языку сонетов Шекспира, который лучше шведского! Ты начнешь читать через месяц, а говорить через полгода. Вероятно — это предложение на осень 1962 г.

Двое в Канзасе наверняка эллинисты (и оба мои приятели, но карт не раскрывали: это потому что нельзя). Итак, лучше для здоровья твоего, Дусенька, и подальше от пропаганды и прочего. Понятно?

Бери. Еще Дору⁶ на тебя напущу. Дору-дуру-бабу! И Мексика.

И моя предварительная пропаганда. Посылаю тебе мое письмо (т. е. копию) симпатичному Андрею Владимировичу — он же Хейнрих Штаммлер, это для полноты картины. Мы переписываемся — каждый на своем языке. А по-русски он говорит хорошо...

Дуся! Призываю! А тут еще наш Аркадий, и Тата, и Гурик (это ведь я) — такие милые идиоты! Заклинаю нашим счастливым детством! Заклинаю российской поэзией!

Дау или еще кто-нибудь в два счета натаскают тебя.

Не так уж далеко — культурный Сент-Луис и сумасшедший Чикаго, который очень люблю. И будем жить, взявшись за руки...

Дусенька — это мы должны описать тебе первому.

Иду я с известной всем Перечницей на Международную выставку⁷ — собрались в первый раз. Спускаемся, чтобы подняться на надземную дорогу. И (одно из самых неожиданных) вдруг: на нас нацелилась добрая дюжина вспыхивающих ламп, и какие-то люди ведут нас под руки. Оказалось, что Дора Львовна миллионная посетительница выставки.

Что же скрывать — я сказал, кто мы и зачем мы. На первом вагоне уже красовалась надпись из передвижных букв. И все снимают. И спрашивают, и подсовывают под нос громкоговорители. На выставке вице-президент вручил Перечнице 50 долл<аров> и месячный билет на троих. Велели задрать головы на Иглу и опять снимали и только тогда отпустили с миром.

Когда я уразумел, в чем дело, промелькнуло — только не улыбаться во весь рот, показывая мои великолепные фальшивые зубы. Я ими очень горжусь, но я не улыбающийся механизм. Дора вела себя вполне прилично. Конечно, была ошарашена и потом сказала: «Ай эм нот эн актресс»⁸.

Капец нэ — почему не пережить это современное снятие. У нас было не меньше фотографов, чем у Кеннеди в Сеаттле же. Воображаю, какие появятся фотографии. Дора потом говорила — почему 50 долл<аров>, а не миллион?

Жаль, что не с кем было наохотаться. Прежде всего, конечно, с Дуськой.

Горжусь, что Дора не сказала — самый счастливый день в жизни и пр. Я же философически дважды повторил: случай, лотерея.

Выставка — вроде увеселительного сада. Много китча в павильонах, лучшее — крашенная материя (Индия, Япония). Филиппины — старые испанские примитивы. Есть и франц<узская> живопись, но не добралась. Вообще, забавно. Дора просилась на карусель. Обедали в корейском ресторане, а на самой Игле, кажется, очень дерут, и я не люблю высоты.

Из 50 Дора истратила меньше 10 на хорошую сумку из Эквадора и, разумеется, на всякую дрянь. Кажется, в Брюсселе были разные «мастера», а тут даже прикладное искусство слабо представлено. Советского павильона не было. Но был Сан-Маринин.

Увы, продолжаю информацию. На первом месте в Канзасе германский департамент.

У них и мистерии на Рождество, и пуппен-театер⁹. Очень стараются. Но не надо идти этой дорогой — кстати говоря, очень утомительной. Сам помешан на р<усской> церк<овной> музыке, и его студенты на Рождество пели панихиду в папах... Не вру. Я потом сказал: только не это... Пусть папахи, но не панихида, а то жуть пробирает...

Вообще же — ни панихид, ни папах.

Но клуб с чтением газет — м<ожет> б<ыть>, и с танцами, или русский дом, который студенты сами устроили в Сеаттле, и вывесили надпись — это в наше-то время. Между прочим, здесь мы им скорее мешали. Тут мы заняты преимущественно т<ак> н<азываемыми> аспирантами (это и есть graduate students). Но если такой дом будет в Канзасе — то с ума сойдут, увеличат жалованье на тыщу.

Штаммлер и Бакус не хотят немецкой дешевки, но хотят чего-нибудь особенного.

Материал: дети мужиков, которые вообще ниже латышских и эстонских, но мечта Канзаса — привлекать студентов из других штатов.

М<ожет> б<ыть>, через некоторое время в Канзасе появится произведение Сама — некто Джим Террелл, который доучивается в Калифорнии. Я прочу его в черманы (chairman — глава департамента).

Это убежденный грек... Парень (тоже сын Канзаса), но с коллекциями Сакса¹⁰, с музыкой и вообще — прекрасный человек.

О Греции — вообще этого нельзя, никогда. Но я же вижу Сама и Джима, а они меня, без слов. А нельзя говорить. А если и можно — очень не сразу. Но Мексика, Европа...

В конце страницы приписано чернилами:

Итак, выезжаем 12 сентября из Лиссабона в Нью-Йорк. М<ожет> б<ыть>, я даже доведу тебя до самого Лоренса и сдам в верные руки!

Ручаюсь, что задаром перевезут всю обстановку и оплатят проезд. М<ожет> б<ыть>, Канзас будет только этапом... Кто знает. We export professors* — печально сказал один канз<асский> профессор-абориген. Но нигде не предложат сразу такого высокого оклада: напуганы. Кажется, в Канзасе думают, что я еще вернусь туда. Что едва ли. Но вдруг удастся перетащить тебя сюда...

Дору решил увезти отсюда в Cambridge (Harvard). Везжаем отсюда 4-го июня утром. Буду в Париже 16-го июня. Туда можешь написать American Express.

Никогда этого письма не кончу...

На тему, что от тебя хотят. Я думаю — своей особой программы, но ты можешь сказать, что сперва готов принять ихнюю, а у них-то и нет плана (и они сами это знают), а только ряд учебников.

Две школы преподавания в Америке:

1) Структуралисты — никакой грамматики, только фразы, идиомы, строение предложений по аналогии (в Вашингтоне эта школа);

2) другая теория у грамматиков (считается отсталой, но Штаммлер, Сам и я — грамматики, т. е. надо учить, как всегда учили или как давно уже учат). И Харвард — грамматичен.

Я думаю, и ты грамматик. Но, м<ожет> б<ыть>, не нужно вначале быть очень педантичным, чтобы не вспугивать птичку желания — заговорить!

М<ожет> б<ыть>, слишком много пишу — уже боюсь вспугнуть твою птичку желания...

А на самом деле все проще.

* Мы экспортируем профессоров (англ.).

Американское правило — «языковые» классы должны быть маленькие — не больше десяти. Сколько студентов у меня было? Я думаю, 500 за 12 лет.

Итоги:

1. тебе здоровее жить в Америке,
2. 4 месяца свободы, а не один,
3. профессор выше чиновника,
4. общение с молодежью приятно.

Неверно, что студенты грубят профессорам.

Профессор в американском обществе — птичка-невеличка. Но никто академиков не преследует. Только нет поклонов.

Вырастает новое американское поколение — менее провинциальное. Я спрашиваю на лекции по языку: «Вы бы-ли за гра-ни-цей»? Тем, которые не были, стыдно. И это хороший стыд. Их предкам стыдно не было... Я всегда очень насаждаю Европу: кто не был в Европе, тот неполный человек. Поездкам в Россию не препятствую, но восторгов не испытываю.

Сейте доброе, вечное и как там?.. Если я что и посеял на мериканской ниве — то это любовь к матушке Европе. Но и любовь к литературе нашей тоже насаждал, но эта литература оборвалась в России в 1932 г. (после сталинского разгрома литорганизаций)¹¹.

Европейская культура и русская литература.

Что такое Россия? Мой ответ: часть Европы.

Штаммлер свободно говорит по-русски, хотя и несколько витиевато. Я с ним говорю по-русски, изредка по-немецки, а по-англ<ийски> только при третьих (непонимающих) лицах.

Живу мечтой о Европе, хотя не так часто там бываю, но, м<ожет> б<ыть>, и это неплохо — больше ценю. Если бы деньги зарабатывал в Европе — любил бы ее меньше. Конечно, с американцами легче работать, чем с представителями прочих наций.

Розанов в детстве говорил: «едь» вместо «поезжай».

Игорь — едь в Америку!

На полях приписано чернилами:

Добродетель (арете) педагога? Любовь к детям... Любовь — эрос, а дитя? — паис, пайдос, пайдес. Понятно?

Твой Паис!¹² Ю.

¹ Иваск несколько лет преподавал в Канзасском университете в Лоренсе русский язык и литературу, затем перешел в Вашингтонский университет в Сиэтле, а на свое место предложил Чиннова, который тогда работал на радиостанции «Свобода» в Мюнхене.

² К 1962 г. у Чиннова вышли только эти две книги.

³ Штаммлер Андрей Владимирович (Heinrich Stammer; 1912–2006) — профессор Канзасского университета, глава (chairman) отделения славянских языков и литератур, преподавал философию. Ученик и личный секретарь философа Ф.А. Степуна (1884–1965). Автор научных трудов о В.В. Розанове, Степуне и др.

⁴ Профессор Канзасского университета Освальд Бакус (о нем см. примеч. 26 к вступ. ст.), Сам (Сэм) А. — данных о нем установить не удалось.

⁵ Аллюзия на строку («Розовый идол, персидский фазан...») из стихотворения Георгия Адамовича «Ночь... и к чему говорить о любви?...», опубликованного в антологии «На Западе» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 98).

⁶ Дора, Дора Львовна — имеется в виду жена Иваска, Тамара Георгиевна (урожд. Межак; 1916–1982).

⁷ Всемирная выставка 1962 г. Одной из достопримечательностей на территории выставочного комплекса Seattle Center, который был построен для выставки, стала башня-игла — Спейс-Нидл (Space Needle — букв.: космическая игла). В башне были расположена смотровая площадка и ресторан.

⁸ Транслитерация фразы «I am not an actress» (англ. — «Я не актриса»).

⁹ То есть кукольный театр (от нем. Puppentheater).

¹⁰ Видимо, речь идет о коллекциях модной одежды сети престижных американских универмагов «Saks Fifth Avenue».

¹¹ В 1932 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», которое обеспечивало ЦК полный контроль над литературой.

¹² Иваск использует здесь транслитерированные греческие слова — «ἀρετή» («добродетель») и «παῖς» («ребенок», «раб») и далее обыгрывает в подписи двойное значение второго слова. Друзья порой придумывали себе и друг другу в письмах разные прозвища: Петух, Ослик, Свиноматка, Дося, Досифей, Дуся. Собака, Пупс — так иногда Чиннов обращается в письмах к жене Иваска Тамаре.

2

ЧИННОВ — ИВАСКУ

[Lawrence, Kansas.] 27.5.[1962]

Так вот, дорогие мои, принял я Канзас, но очень у меня беспокойно и нерадостно на сердце, и все я думаю, что зря не уступаю это место Варшавскому¹... (он бы, вероятно, и принял бы, и подошел бы?). Хочется убежать подальше от советских «бойцов и офицеров», это конечно... (хотя — от ядерной бомбы вот не убежишь...). И радиостан-

ция неизвестно сколько времени просуществует. Но social security*, говорит Россинский², через 10–12 лет, из-за продолжающейся инфляции доллара, может значить совсем уж мало... А врачи и это малое съедят...

На полях вставка:

А немецкой пенсии у меня нет никакой, не может быть...

Здесь я мог бы скопить за 10–12 лет (если б радиостанция не закрылась) на дожитие... А там мне еле хватит этих 8500, и скоплю я пустяки. Так что и поездки можно будет себе позволять нечасто (и к Вам, и в Мексику)... Здесь полжалования у меня остается на роскошествования. А там будет чувство стесненности в деньгах, очень неприятное, как я хорошо знаю...

От Штаммлера пришло очень нежное, даже с экзальтацией, письмо, еще до получения им моего «да».

3 лекции в неделю по р<усской> лит<итерату>ре — это, конечно, много. И читать плохо понимающим — трудно и нерадостно.

Даже 4,5 мес<яца> отпуска, при всей их прелести бесспорной, только отчасти утешают... Что-то делать, писать — придется и летом, не только по лесу бродить...

Очень я замучился, раздумывая, и до чего же мне надоело взвешивать pro и contra**. Самое идеальное, что могло бы быть: десятилетиями никакой войны, радиостанция работает, а я... сижу, как в тюрьме, в этой бездарной дыре — и скучаю, денег в обрез, вокруг не люди, а марионетки... Но если останусь здесь без места, или придут «земляки» — тоже заскучаю... Вот тут и разберись.

Простите уж за это мяуканье. Дорогие мои, но очень уж сложно!

Целую обоих.

Игорь-Дуся

На полях:

Одно знаю — выходить как из теплой комнаты на ветер — вот что покидать мое здешнее все...

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 20. Л. 69, 70. Ксерокопия автографа, написанного чернилами.

* Букв.: социальное страхование (англ.); имеется в виду пенсия.

** за <...> против (лат.)

¹ Имеется в виду писатель Владимир Варшавский (см. о нем примеч. 5 к вступ. ст.). С 1950 г. он жил в США.

² Имеется в виду Виктор Афонькин (псевдонимы: Россинский, В. Эфер, Иво Има) — сотрудник радиостанции «Свобода», вместе с которым Чиннов работал в Мюнхене. Ему принадлежит фантастическая повесть «Бунт атомов» (Мюнхен, 1947), сборник рассказов «Превратности судьбы: рассказы эмигранта» (Мюнхен, 1947) и поэтический сборник «Находки и потери: Стихи 1938–1948» (Мюнхен, 1948).

3

Lawrence, Kansas. 11.10.1962

Милые рожи! Родимые рыла! Горячо любимые собаки! Чмок-чмок! Жвняюсь ужасно за молчаливость: но совсем запрофессорствовался, за«used furniture»'ился¹, вообще завозился. Теперь главное сделано — и, значит, развешьте* уши:

Thank you very much**, детишки, за идею меня оканзасить. Здесь премило, Лоренс прелестный городок, и я очень доволен. На днях переехал в прелестную же (мало, но что делать!) двухкомнатную квартиру на углу Louisiana и 11th — около площаденки, усаженной соснами и прочим. Очаровательный вид на деревья на три стороны, 60 долл<аров> без ликстричества, но с газом и водой. Заново ее окрасили, мебелишку я почти всю подобрал, махагони³, хотя и копии, а не 18-ый век. Очень изящно получится, приедете, ахнете.

Хозяева говорят по-немецки, от ниверситета близко, и я сижу в садике, как некогда в Валке⁴ у Fr. Krewin. А потом думаю начать подыскивать дом, что и вам советую сделать. И будем писать на конвертах: «Улица такая-то, в собственном доме». Ха! Ха!

Сам А. оказался милейшим и услужливейшим. А.В. Ш<таммлер> тоже милейший (но с лендой!). Бакус — душечка, это ясно, хотя видел я его лишь разок. Бергеров⁵ еще не видел — нет времени.

В лоренсской газете появилось милое интервью со мной, а Daily Kansas написал, что я Soviet poet in exile⁶, здравствуйте!

Получил от администрации предложение истребовать «grant» на этот еще год, реализуемый ближайшим летом, с возможностью поехать в Н<ью>-Й<орк>, из-за тамошней библиотеки. Захваченный врасплох, написал, что буду исследовать Георгия Иванова⁷. Что скажете? Тема по душе, Досе — знакомая — и смогу поехать в Париж, где Г<еоргий> И<ванов>, как известно Вам, жил. М<ожет> б<ыть> ,

* Так в автографе.

** Большое вам спасибо (англ.).

раздую это дело в диссертацию, а? Но где диссертацию защищать? В нашем же ун<иверсите>те нельзя, небось?

Студенты: они очень милые, и я держусь авторитетно, солидно ци мило. Насчет р<усского> языка они «nìx compris»*, и я очень стараюсь говорить внятно, толково, вразумительно — кажется, стараюсь не без успеха. Кажись, все довольны, включая начальство. Вообще же — два моих курса — есть уроки р<усского> языка начинающим. (Педагогические же мои способности приводят меня самого в изумление, равно как и моя старательность.) Для пущего шику** надо, чтобы стихи Доси по-прежнему восхвалялись в газетах... Когда-то Г.В. А<дамович> говорил мне, что намерен написать в серии «Наши поэты»⁸ в Н<овом> Ж<урнале>, но соберется ли? В Мюнхене я с ним на эту тему речи не заводил... Как ты думаешь, Чухна⁹, а?

Около 25-го¹⁰ ждал Вас, рожи, сюда, но без уверенности: что же такой крюк Вам делать ради одного дня! А вот на Рождестве нанесу вам визит, засвидетельствую почтение. («Всего» 44 часа езды, говоришь?)

Как вы, рожи, живете? Отдохнули ли? Я все еще устамши, да и от лекций-уроков устаю, хотя их 10 в неделю.

Спасибо, Чухна, что хочешь писать обо мне Бакусу, А. Ш<таммлеру> и Саму и «ждешь указаний». Но что я тебе «укажу»? Пиши без указаний. Чмок.

Мебель в квартире мюнхенской сдал в наем Комитету¹¹, деньгу платят. А теперь — good bye***(?). Чмокаю Ваши чухонские рожи и остаюсь

профессор канзасских прерий (бывш<ий> баварского кваса).

P.S. Письмо пишу, сидя на бизоне, отмахиваясь хвостом мустанга. Пишу оперенной стрелой и кольцом, омоченном [так!] в крови предводителя племени скунсов. Приветливо махаю вам скальпом. Ах, да: индейцы-то не краснокожие!!!!

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 20. Л. 71–74. Ксерокопия автографа, написанного чернилами.

* Ничего не понимают. — Характерная для Чиннова фраза, составленная из немецкого и французского слов.

** и для прибавки жалованья! — Примеч. И. Чиннова.

*** до свидания (искаж. англ.).

¹ То есть обставлял квартиру антикварной мебелью (от *англ.* *used furniture* — «бывшая в употреблении, старая мебель»).

² То есть на углу Луизиана-стрит и 11-й Вест-стрит.

³ Породы дерева, имеющие красноватый цвет, или красное дерево.

⁴ Город на севере Латвии, на границе с Эстонией, примыкает к эстонскому городу Валга, практически с ним сливаясь. Видимо, еще до войны, когда Чиннов жил в Латвии, а Иваск — в Эстонии, они там бывали вместе с Иваском и гостили у Fr. Krewin (данных о ней найти не удалось).

⁵ Возможно, речь идет о семье Якова Бергера (род. 1926) — профессора американского университета. В 1956 г. он уехал из СССР в США. Автор многих книг стихов. Выпустил в своем переводе «Все 154 сонета Шекспира» (Лондон, 1977).

⁶ В Лоренсе, в газете «Lawrence Daily Journal-World», 20 сентября 1962 г. вышло интервью с Чинновым, озаглавленное «Поэт-изгнанник из России в штате Канзасского университета» («Exiled Poet from Russia on KU Staff»). А в студенческой газете «The University Daily Kansan» 11 января 1963 г. была напечатана заметка «Различия между Востоком и Западом, поведенные проф. Чинновым, русским эмигрантом» («East-West Differences Told by Prof. Chinnow, Russian Exile»), где написали, что Чиннов — советский поэт в изгнании.

⁷ Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) — поэт. Чиннов знал его в Париже.

⁸ Георгий Адамович написал о творчестве Чиннова несколько статей, но они выходили не в этой серии.

⁹ Так Чиннов иногда называл Иваска, жившего до войны в Эстонии.

¹⁰ 25 сентября день рождения Чиннова.

¹¹ Работая в Мюнхене на радиостанции «Свобода», Чиннов жил на квартире, которую предоставляла ему радиостанция. После переезда в США свою мебель он оставил в квартире.

4

ИВАСК — ЧИННОВУ

University of Washington. Department of
Far Eastern and Slavic Languages and Literature.
Seattle 5. [Март 1963]

ДОСЯДУСЯ,
прежде всего о стихах¹ твоих...

Всегда был поклонником Чиннова, но не завидовал... М<ожет> б<ыть>, завидовал совершенству его поэзии, но не самим стихам. Впервые <1 слово нрзб> ЗАВИДУЮ, а зависть, как говорил Сологуб, лучший критерий при оценке стихов.

«Здесь пахнет лазурью...» восхищаюсь и завидую. Черт знает что такое — сила, краски, мускулы... новая пластика.

«И струи фонтана трепещут эоловой арфой...»

Как ты смеешь так хорошо писать?..

Вот визион², вот размах... Конкуренция Державину, Мандельштаму. И без рифм. Марков³ умрет, я уже умер. Никакой парижской ноты, слава Богу, да СЛАВА БОГУ, но смерть Иваску, Маркову.

Не шепот, а ПОЛНЫМ ГОЛОСОМ, ВО ВЕСЬ ГОЛОС.

СВОЛОЧЬ...

«Груды» не текут, но так и надо, зачем бояться... Державин ничего такого не боялся... Не исправляй*.

«И кажутся музыкой смутной далекие горы...»

Дважды сволочь.

«И в пыльном пылании вьются песчинки бессмертья...»

Трижды сволочь.

Впервые изумительные русские стихи без рифм (или впервые после «Александ<рийских> песен»⁴).

Но сознайся — кто подсказал... Не Чухна ли?

Иваск убил Адамовича в Чиннове и умирает от зависти!⁵

И другие стихи хороши, но перечитываю только первое, которое едва вмещаю.

На уровне Дилана Томаса⁶ и Одена (памяти Иетса)⁷.

М<ожет> б<ыть>, разберу в классе поэзии 18-го века. На закуску!

ЛЕКЦИЯ О РЕВОЛЮЦИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ, ИМЕВШЕЙ МЕСТО В КАНЗАСЕ.

На полях чернилами:

Можно послать первое ст<ихотворе>ние Маркову? Адамович, Одо-евцева, Терапиано, Марков, Моршен, Елагин⁸ очень даже крикнут, читая «Здесь пахнет...» О, они поймут, но сознаются ли в восхищении.

Цветаева восхитилась бы! Пастернак, Мандельштам, даже Маяковский (здесь поэзия...). И — Георгий Иванов.

Пошли Толе⁹ — порадуй. Я один — гром аплодисментов! Вот какие стихи надо передавать по радио! Приглашение в рай, или в бесклассовое общество.

Вечер¹⁰ — одобряю. Придет не 10, а 30 человек. Предсказываю. Необходима реклама в «Н<овом> р<усском> с<лове>». Я способен опубликовать разбор того первого стихотворения в «Н<овом> р<усском> с<лове>». Я на все способен! Напишу Извольской¹¹, сыну¹² и т. д. Да, пусть Гуль читает.

* Последнее предложение вписано Иваском чернилами.

А моя статья? — о БЕЛЫХ СТИХАХ¹³, а?

Где ты научился так рокотать, сволочь, а?

Между прочим, ты должен мне вернуть Афон¹⁴ с комментариями — прозу и стихи. Настаиваю.

Урбана это в Иллинойсе, не в Индиане... не знаешь науки извозчиков — географии (подобно Митрофанушке).

Машинку купил Хермес — выговаривается ХермИз, 73 долл<ара> (портативная).

О Марии Самойловне¹⁵ — ни слуху, ни духу, как-то ее поздравил, но она, добрая, не ответила. Адрес ее найдешь в тел<ефонной> книге. Попытаюсь еще раз ей написать. Она любит устраивать вечера. Можно и без налогов. Плата доллар.

Дося, где же я найду твои стихи 32-го года? Все же посмотрю желтые папки с надписью ЧИННОВ.

Какой такой петух золотится? А? Я тоже петух. Чмок — Ю.

На полях приписано чернилами:

А «свирель — леденец золотистый?» — Чудеса...

Поздравляю: некоторый разрыв с логикой. «Рассудок — рыжеротый комик»¹⁶, — писал Белый.

Другие стихи еще не переварил.

Иней на почтовом ящике¹⁷ — отлично. Но я за золотых петухов, за груды воздуха, короче говоря — за чудеса.

Кукушка кукует ли осенью? Не уверен в этом. Ведь ку-ку — кажется — половой крик... Не знаю.

А стихотворения — прелесть. Можно придраться:

«Слушать весну...» — м<ожет> б<ыть>, нужно заменить весну — птицей?

«Слушать кукушку...» или опустить кукушку?

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 6. Машинопись со вставками чернилами рукой Иваска.

¹ Чиннов и Иваск часто посылали друг другу новые стихи для обсуждения. В данном случае речь идет о стихотворении Чиннова, которое позже было напечатано в «Новом журнале» (1963. № 72. С. 60) и вошло в книгу «Метафоры»:

Здесь пахнет лазурью, ты знаешь? Здесь пахнет лазурью.

И струи фонтана трепещут эоловой арфой.

И пыльным огнем золотится петух, запевая,

И пестрый базар не стихает в полуденном свете.

И кажутся музыкой смутной далекие горы,
И в детских губах леденец золотистой свирелью.
На старой стене расплескалась волна винограда,
И в пыльном пылании вьются песчинки бессмертья.

И в светлом звучанье текут золотистые груди
Июльского воздуха, нежного смуглого лета.
Огромные груди сиянья, громады лазури
Смотри — половодье лазури, и горы как волны.

² То есть видение, образ (от *англ.* vision).

³ Марков Владимир Федорович (1920–2013) — литературовед, критик, поэт, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Эмигрант «второй волны». В 1966 г. в Англии (потом в Америке) под редакцией В. Маркова и М. Спаркса издана антология «Современная русская поэзия» («Modern Russian poetry»), с параллельными текстами на русском и английском, где есть и стихи Чиннова. С Чинновым они многие годы поддерживали переписку. Марков писал Чиннову, что «не понимает» «парижскую ноту», а первые две книги Чиннова относятся именно к этому направлению в поэзии русских парижан. Стихотворение Чиннова, о котором говорит Иваск, свидетельствовало о том, что Чиннов отошел от поэтики «парижской ноты».

⁴ Имеется в виду книга стихов М.А. Кузмина «Александрийские песни» (Пг., 1921).

⁵ Иваск был всегда противником поэтики «парижской ноты», идеологом которой считали Адамовича.

⁶ Дилан Томас (Dylan Thomas; 1914–1953) — английский поэт. Иваску нравилась яркость, образность его стихов.

⁷ Оден Уистен Хью (Auden Wystan Hugh; 1907–1973) — англо-американский поэт, драматург, мыслитель. «Памяти Йейтса» («In Memory of W.B. Yeats», 1940) — одно из наиболее известных его стихотворений, написанное в стиле пасторальной элегии. Иваск позже познакомился с Оденом, который жил в Нью-Йорке. В письме Чиннову от 31 декабря 1969 г. он рассказывал о своей встрече с Оденом у него дома: «Битнико-хиппиевская и даже просто запьянцовская улица. Ужасная ньюйоркская лестница — неважно, что грязная, а какая-то еще адская, нелепо-голая — из круга ИНФЕРНО. На ней кто-то повесился, и самому хочется на ней повеситься. Его собачье лицо — морда старой дворняжки, шавки. 62 года, а сколько морщин. Грязно-рыжеватые волосы не поредели, и именно шерстистая грива (недлинная, но хаотическая) придает ему собачье “выражение”. Глаза маленькие — не псы, а скорее медвежьи-умно-насмешливые, как иногда у русских мужиков. Глаза говорят: “Ой, не проведете меня, не обманете!” Но ожидаемый от собеседника обман его не сердит, только забавляет.

Деловито: — Кофе? И какой: черный или со сливками?

Вынес две больших уродливых чашки.

Квартира — берлога, темная, запущенная. А усадил он в освещенное место — как бы под навесом. Удобные обшарпанные диваны. Груды книг, рукописей на столе. <...>

Я заговорил о русской наглости: хотим бессмертия, хотим вечности, Бога... Так было в русской литературе 19-го века, но этого не было в поэзии Пушкина.

О.: — Да, да, ваш непере译имый Пушкин...» (полностью см.: *Иваск Ю.П. Встреча с В.Х. Одэном // Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980 годы. По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 609–610).*

⁸ Со всеми этими поэтами, жившими в США или Париже, Чиннов и Иваск были в переписке. Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя Гейнике Ираида Густавовна; 1901–1990) — поэтесса, писательница, жена поэта Георгия Иванова. С 1923 г. жила во Франции. В 1987 г. переехала в Ленинград. Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) — критик, поэт, мемуарист. С 1922 г. жил в Париже. Моршен Николай (наст. имя Марченко Николай Николаевич; 1917–2001) — поэт «второй волны» эмиграции, переводчик. Жил в США. Елагин Иван (наст. имя Матвеев Иван Венедиктович; 1918–1987) — поэт «второй волны» эмиграции, переводчик, литературный критик. Жил в США. См. также примеч. 6 к вступ. ст.

⁹ Имеется в виду Анатолий Рудольфович Реннинг (ум. 1995) — один из самых старых друзей Чиннова, с которым он вел активную переписку. Познакомил их Иваск. Они виделись несколько раз, в том числе в 1961 г. в Мюнхене, куда Реннинг приехал по делам службы — он работал в Стокгольмском архиве в Швеции, где поселился после того, как эмигрировал из Прибалтики.

¹⁰ В номере газеты «Новое русское слово» от 7 апреля 1963 г. появилось объявление о том, что Игорь Чиннов приехал в Нью-Йорк и будет выступать со стихами в Гарвардском университете.

¹¹ Имеется в виду Извольская Елена Александровна (1897–1975) — дочь министра иностранных дел Российской Империи А.П. Извольского, фрейлина императорского двора. Иваск написал стихотворение, посвященное ее памяти, и эссе, где рассказывал, что «Е.А. жила в какой-то совсем “нелепой” квартирке нью-йоркского востока. Две комнатки о пяти или шести углах» (Русская мысль. 1977. 20 января. С. 9). Там бывали русские и американские писатели и поэты. См. в письме Иваска Чиннову от 31 декабря 1969 г.: «После Одэна был у фрейлины двух императриц Е.А. Извольской — тоже берлога — но уже откровенно-нищая, где, однако, бывают и Одэны, и французские святые, и Керенский — и кто только не бывает. Пришел с сыром и вином — и вместе совершили трапезы. Чиннов! Извольская — это дама. Такт, вырабатывавшийся тыщу лет» (цит. по: Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. С. 606).

¹² Видимо, Иваск так называет здесь своего молодого друга Аркадия Ростиславовича Небольсина (род. 1932), позже — доктора философии, профессора Питтсбургского университета.

¹³ Речь идет о черновике еще не напечатанной статьи, которую Иваск послал Чиннову для обсуждения. См. о ней в письме Чиннова от 2 октября 1963 г.

¹⁴ Стихотворение Иваска «Афон» было напечатано в «Новом журнале» (1963. № 73. С. 32–37). Прозаическая книга так и не была закончена.

¹⁵ Имеется в виду Мария Самойловна Цетлина (1882–1976) — издатель, жена поэта и прозаика М.О. Цетлина (псевд. Амари). Она финансировала издание журнала «Опыты» (№ 1–9), выходившего в Нью-Йорке в 1953–1958 гг.

¹⁶ Неточная цитата из поэмы Андрея Белого «Первое свидание» (1921); ср.: «Рассудок, свинойрылый комик <...>».

¹⁷ Стихотворение, которое обсуждает Иваск, напечатано в «Новом журнале» (1963. № 72. С. 60) с некоторыми изменениями:

Давайте жить не по часам, а по листьям:

слушать весну, когда они зеленеют,

думать о грустном, когда они желтеют...

мечтать, когда они опадают,

молчать, когда на опустелых ветках белеет иней —

и менять, когда захочется, времена года.

5

ЧИННОВ — ИВАСКУ

[Lawrence, Kansas. Апрель 1963]

Спешно!

Чухониус, дорогой, несколько строк в спешке:

М<ожет> б<ыть>, стараниями милейшего О.О. Б<акуса>, мы станем с тобой соредакторами возрождаемых им «Мостов»¹(?) Ответь сразу же на 1100 Louisiana², сколько стоило напечатать один № «Опытов», без гонораров. Он пытается получить на журнал 2000 или 3000 дол<ларов> в год — но не мало ли это? Идея выпускать продолжение «Мостов» едва ли удачна — нужно новое издание, с великолепным списком сотрудников, в редколлегиях взять Вейдле, Адамовича и наших — Штаммлера, Бакуса, Иваска и Чиннова, вот и все. Продолжение «Мостов» — не то, и как же с прежней редколлекцией, да и с ЦОПЭ, на чье имя «Мосты» закреплены. Жду твоих соображений. Спешно!
Чмок

Дуся

На полях:

Маркова? Вообще, нужен хоть 1 новый эмигрант³.

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 39. Ксерокопия автографа, написанного чернилами.

¹ Литературный альманах «Мосты» выходил при ЦОПЭ (см. примеч. 24 к вступ. ст.). В начале 1963 г. ЦОПЭ закрывалось. Чиннов спрашивает Иваска о расходах на журнал «Опыты», потому что Иваск несколько лет был редактором этого журнала.

² Адрес квартиры Чиннова в городе Лоренсе (штат Канзас).

³ Называя Маркова «новым эмигрантом», Чиннов имеет в виду — эмигрант «второй волны». Марков был хорошо принят эмиграцией «первой волны»: хоть и бывший «советский», но прекрасно образован, пишет хорошие статьи и стихи, и, главное, там говорит: «Я люблю одну Россию — / Невозвратно дорогую...» («Гурилевские романы», 1951). По словам Адамовича, он был одним из тех немногих новых молодых эмигрантов, на кого первая эмиграция возлагала большие надежды. Потому Чиннов и предлагает включить его в редколлегию. Чиннов и Марков в 1950-е гг. вели активную переписку.

6 ИВАСК — ЧИННОВУ

[Seattle.] 22 апреля 1963

Дусенька,
Журнал. Капец нэ? Даже самое полновесное О-Кей.

Некоторые мысли по поводу.

Для кого журнал?

1) для культурной советской интеллигенции, 2) для всяких иностранцев, русоведов и только, 3) для эмиграции, которой почти уже не существует.

Не издания ЦОПЭ, а «Н<овый> Жур<нал>». М<ожет> б<ыть>, «МОСТЫ».

Английские или французские, немецкие журналы по славяноведению все доходят, и на них там иногда отзываются доброжелательно и, несомненно, все зачитывают до дыр.

Журнал, конечно, белый, абсолютно белый, но без злопыхательства.

Худ<ожественной> прозы не нужно, потому что ее нет. Я не против Ржевского¹, но ведь от него ни тепло, ни холодно.

Много статей и стихов.

В каждом номере симпозиум, дискуссия, например, можно было бы начать с литературы эпохи оттепели (которая окончилась заморозками!)². Оценка этой литературы по худ<ожественному> критерию. Солженицын³ — хорошо, Виктор Некрасов⁴ — неплохо, Эренбург⁵ — плохо, но иногда прав<ильные> мысли и т. д.

Другие темы: Достоевский *здесь* и *там*. Иностранцы о русской литературе (писатели и ученые), Набоков, которого эмигранты замалчивают. Мандельштам, Цветаева, Маяковский и мн<огие> др<угие>.

Много небольших статей и заметок. Библиография и информация.

Тут «Мосты» отзывались слабо.

«ОПЫТЫ» (112 стр<аниц>) стоили 700 долл<аров> (РауZENы⁶ — Rauzen — в Н<ью>-Й<орке>). Могли бы выпускать две книги по 224 стр. Гонорары платить кое-кому из европейцев (например, Адамовичу). Еще секретарша. Ой, много работы, я прямо изнемогал с «Опытами». 10–15 писем в день!

В конце страницы приписано чернилами:

Я готов помогать, но — в границах.

На полях добавлено чернилами:

Если у Хомякова не выйдет с «Мостами», то его пригласить. Но не подпускать Корякова и Юрасова — ни-ни! (Однако могут сотрудничать)⁷.

Пока лучше молчать. Даже Маркову ни гу-гу.

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 8. Машинопись со вставками чернилами рукой Иваска.

¹ Ржевский Леонид (наст. имя Суражевский Леонид Денисович; 1905–1986) — прозаик «второй волны» эмиграции, драматург, литературный критик, член редколлегии «Нового журнала», один из редакторов журнала «Грани», автор антологии «Литературное зарубежье» (Мюнхен, 1958), куда вошли произведения писателей «второй волны» эмиграции, автор нескольких романов и сборников рассказов. Жил в США. Они были знакомы с Чинновым, в архиве Чиннова сохранилось 30 писем от него.

² В марте 1963 г. Н.С. Хрущев на встрече с представителями художественной интеллигенции в Кремле заявил, что сотрет в порошок всех, кто выступит против Коммунистической партии. Это несколько притушило оттепельную эйфорию.

³ Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) — писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1970 г.). В то время он жил в Рязани и работал в школе учителем физики и астрономии. К моменту написания этого письма им были опубликованы повесть «Один день Ивана Денисовича» (Новый мир. 1962. № 11) и рассказ «Матренин двор» (Новый мир. 1963. № 1), ставшие событием в литературе.

⁴ Некрасов Виктор Платонович (1911–1987) — писатель, автор повести «В окопах Сталинграда» (1946). Лауреат Сталинской премии (1947 г.). В 1961–1962 гг. у него в СССР вышло несколько книг рассказов. Эмигрировал в 1974 г., жил в Париже.

⁵ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель, публицист. Лауреат двух Сталинских премий. Какое-то время жил в эмиграции в Берлине. В 1940 г. вернулся в СССР. Автор повести «Оттепель» (1954), которая, как считается, дала название целой эпохе. С 1960 по начало 1963 г. «Новый мир» печатал мемуары Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые активно обсуждались в среде интеллигенции.

⁶ Видимо, имеется в виду типография «Братья Раузен» («Rausen Bros.»), созданная еще в Париже в 1932 г. С 1940 г. до начала 1970-х гг. типография работала в Нью-Йорке. Организаторами и владельцами типографии были русские эмигранты — Израиль Григорьевич (1892–1977) и Лазарь Григорьевич (1884–1960) Раузены.

⁷ Иваск знал этих журналистов еще со времен своего редакторства в «Опытах». В письме от 4 января 1956 г. он писал Чиннову: «Был в Нью-Йорке. Было собрание «Опытов». Пришел весь Американский комитет, троица — Коряков, Юрасов, Завалишин. <...> Знаете, сколько зарабатывает Коряков? Больше \$12000 в год. А Завалишин — больше шести» (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.3. Ед. хр. 2. Л. 44). Коряков Михаил Михайлович (1911–1977) — писатель, публицист, литературный критик. Эмигрант «второй волны». С 1953 г. работал в нью-йоркском отделении радио «Свобода», автор и ведущий передачи «Россия вчера, сегодня, завтра». Юрасов Владимир (настоящее имя Жабинский Владимир Иванович; 1914–1996) — писатель, журналист. Эмигрант «второй волны». С 1952 г. работал в нью-йоркском отделении радио «Свобода». Завалишин Вячеслав Клавдиевич (1915–1995) — литературный критик, поэт. Эмигрант «второй волны».

7

[Seattle.] 22.V.1963

Досе

Досифей — приносящий (дары) богам!

спасибо за письмо и комментарии. Постараюсь сделать из архимандрита Порфирия¹ шедевр, мастерпис!² Хотя скучновато переделывать прозу.

Всегда черкай, ругайся.

Я какой-то малолетний литератор, что едва ли прилично. Целый цех поэтов обсуждает, критикует мои стихи. Мне иногда стыдно!

На полях:

(В какое время живем! Духовная цензура пропустила *титъкообразный* Афон, а Досю — вычеркивает, и — прав!)³

О доме⁴: за 15 выгодней, будешь получать доход от двух квартир. ТАК ЧТО — ЗАДАРМА. Но возня. Тогда лучше купить особняк за 13.

Какой стиль? Самый лучший в Америке: деревянный, колониальный, как дом Сама или некоторые общежития в Лоренсе. Починка в Лоренсе стоит дешевле. Скоро тебе сообщат, какое ты будешь получать жалованье в <19>63–<19>64. Уверен, что надбавят. А мне — едва ли. Парламент дал очень мало на salari-рэйз (увеличение жалования) в нашем штате. А как у вас?

Up to you (это от тебя зависит. И заучи эту идиому.) возглавлять «МОСТЫ» с Хомяковым или войти в состав редколлегии.

Верно, у гл<авного> редактора много работы и еще больше неприятностей. Лучше стихи писать и даже ничего не делать, чем писать письма и читать рукописи!

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Старые эмигранты ⁵	Новые эмигранты ⁶	Американцы ⁷
Чиннов Адамович Иваск Струве Вейдле*	Марков Ржевский Ульянов	Штаммлер Бакус
Гринберг Бахрах о. А. Шмеман	Елагин Большухин Анстей? (она — утка)	Тредгольд (наш историк) Мак Лэйн (Чикаго) Эджертон (Индиана) Сечкарев (Харвард) Эрлих (Йель)

Принять во внимание, что имеются еще две категории: не профессоров и профессоров. Если брать последних (а они в трех верхних группах — старых, новых эмигрантов и американцев), то все лучшие ун<иверсите>ты должны быть представлены, что существенно для получения денег** Можно ли обойти Колумбию? Она розовата. Но Стильман⁸ (русский еврей) приличен. Еще Станфорд, Мичиган, Висконсин, Корнель, Принстон, Дартмут, Иллинойс... — имеют большие русские отделения. Из мною предложенных:

Эджертон — огромное влияние, ему всегда дают деньги. Квакер, милый.

Мак Лэйн — способный американский Обломов, он Ю. (Hugh) или Гуго, Гугон, то есть Юрий Юрьевич.

* Последняя фамилия вписана рукой Чиннова, чернилами.

** Подчеркнуто Чинновым.

Эрлих — ум, блеск, отчасти русский — по матери, по жене — поляк (и это домашний язык), но и очень американец.

Якобсон — не знаю, вероятно, откажется, ибо дело не пахнет его диктатурой.

Еще я добавил бы Бахраха, которому очищаю путь в Америку, есть на то причины.

Американцы будут молчать.

Русские (все) молчать не будут. Ульянов склонен к идеологическим скандалам.

Остальные все неожиданно безобидны. Скажем, Елагин: ему бы только — печатали бы его стихи, хвалили, и все.

Сложнее — Струве. И от него пока что все нужно скрывать. Мой нос говорит, он сам что-то затевает. Уж не свои ли собственные «МОСТЫ»?

На полях приписано чернилами:

Нюхаю воздух и чую... М<ожет> б<ыть>, он сейчас делает то же самое! И м<ожет> б<ыть>, с истеричным Филипповым, который в Вашингтоне. Ему могут помочь книжная торговля Камкина и Michigan University*, которые издавали Пастернака, издают Гумилева! Если это так, то я настоящая охотничья собака. Или, вернее, полицейская.

Но когда все будет готово — можно предложить (т. е. когда он будет лишен возможности что-то изменить, или даже взорвать журнал). Между прочим, Гринберг почувствовал бы себя счастливейшим человеком, если бы его пригласили. Он иногда говорит: зачем, почему я дедец? я — филолог... Понимаешь? Но Гринберг увеличит число старых. Впрочем, всегда можно найти послушного, тихого нового, для счета. Наконец, на самом верху — *новый* Хомяков!

Нет для баланса, или для симметрии, европейских профессоров. Но нужны ли они?

Но в таком случае профессора как бы затмят литераторов. Или численно их перевесят. И всех-то я знаю! Поголовно!

На полях приписано чернилами:

Дося, ты должен знать весь готский календарь⁹ американских университетов! Растут: Колорадо, Пенсильвания, Огайо, Лос-Анджелес, Оклахома (славянские отделения!). В Канаде — Торонто, Монреаль, но — слабоваты.

Спровоцируй Толю¹⁰ написать статью об оттепели. Он спросит — зачем, для кого? Скажи — для советских граждан.

* Мичиганский университет (англ.).

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 10, 10 об. Машинопись со вставками чернилами рукой Иваска.

¹ Видимо, имеется в виду очередной прозаический фрагмент из неоконченной книги об Афоне, которую Иваск задумал после посещения Афона в 1960 г. Позже он опубликовал фрагмент из нее под названием «Ефиоп Иванович» в альманахе «Мосты» (Мюнхен, 1965. № 11. С. 32–40).

² Транслитерация слова «masterpiece» (англ. — шедевр).

³ Иваск обычно посылал свои новые стихи для оценки друзьям, среди которых были и глубоко религиозные люди. Видимо, речь идет о строчке из очередного его стихотворения.

⁴ Чиннов собирался купить дом, что позже и сделал.

⁵ Из эмигрантов первой волны Иваск предлагает следующие кандидатуры: Георгий Адамович (см. примеч. 6 к вступ. ст.), Владимир Вейдле (см. примеч. 21 к вступ. ст.). Струве Глеб Петрович (1898–1985) — историк литературы «первой волны» эмиграции, критик, поэт, автор исследования «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956) и других книг. Вместе с писателем Борисом Андреевичем Филипповым (1905–1991) возглавлял издательство «Inter-language literary associates» («Международное литературное содружество»), где среди прочих были напечатаны запрещенные в СССР книги О. Мандельштама, А. Ахматовой, Б. Пастернака, Н. Гумилева. С 1947 г. профессор Калифорнийского университета. Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — известный в эмиграции лингвист. Гринберг Роман Николаевич (1897–1969) — редактор-издатель альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк), один из редакторов журнала «Опыты». Бахрах Александр Васильевич (1902–1985) — литературный критик, мемуарист. С 1923 г. поселился в Париже. Шмеман Александр Дмитриевич (1921–1983) — священник Русской Православной Церкви в США, декан Свято-Владимирской семинарии. Автор книги «Исторический путь православия» (Нью-Йорк, 1954) и пр.

⁶ Из эмигрантов «второй волны» Иваск рассматривает следующие кандидатуры: Владимир Марков (см. примеч. 3 к п. 4), Иван Елагин (см. примеч. 8 к п. 4), Геннадий Хомяков (см. примеч. 24 к вступ. ст.), Ржевский Леонид Денисович (см. примеч. 1 к п. 6), Ульянов Николай Иванович (1904–1985) — писатель, историк, философ, литературный критик, профессор Йельского университета. Автор романов «Атосса» (1952), «Сириус» (1977) и других книг. Большухин Юрий Яковлевич (наст. фамилия Кандиев; 1903–1984) — журналист, печатался во многих эмигрантских изданиях. Работал на радиостанции «Свобода». Жил в Нью-Йорке. Анстей Ольга Николаевна (1912–1985) — поэтесса «второй волны» эмиграции. Автор нескольких книг — стихов и переводной прозы. С 1937 г. была замужем за поэтом Иваном Елагиным.

⁷ Иваск предлагает включить в редколлегию профессоров американских университетов, которые интересовались литературой и историей России: Андрей Штаммлер (см. примеч. 3 к п. 1), Освальд Бакус (см. примеч. 26 к вступ. ст.). Тредголд Доналд

Уоррен (Treadgold Donald Warren; 1922–1994) — крупный американский историк из Вашингтонского университета в Сиэтле, автор многих трудов по истории России, в том числе книги «Ленин и его соперники: Борьба за будущее России, 1898–1906 гг.» («Lenin and his rivals. The struggle for Russia's future, 1898–1906», Нью-Йорк, 1955), где автор говорит о развитии России по «западному» пути и о негативной роли в этом процессе Октябрьской революции 1917 г. Мак Лэйн Хью (Маклейн Хью, Маклейн Ю, McLean Hugh; 1925–2017) — славист из Чикагского университета, автор статей о Николае Лескове, Льве Толстом, Михаиле Зощенко и др. Эджертон Вильям (Edgerton William; 1914–2004) — славист из Индианского университета в Блумингтоне, глава Отдела славянских языков и литератур, специалист по русской литературе XVIII–XIX вв., автор многих научных работ. Сечкарев Всеволод Михайлович (1914–1998) — профессор Гарвардского университета, литературовед, автор научных работ об А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, И.А. Гончарове на английском и немецком языках. С 1925 г. жил в Германии. В 1956 г. переехал в США. Эрлих Виктор Генрихович (1914–2007) — американский историк литературы, заместитель директора Института Дальнего Востока и России при Вашингтонском университете, с 1962 г. — профессор литературы в Йельском университете. Автор статей и книг по русской литературе. Его монография «Russian Formalism: History — Doctrine» (1955) о русских формалистах переведена и издана в России («Русский формализм: история и теория». СПб.: Академический проект, 1996).

⁸ Возможно, Иваск имеет в виду профессора Колумбийского университета, главу Отдела славянских языков, Л.Н. Штильмана, эмигрировавшего в 1918 г. из России. В 1958 г. Леон Штильман был в СССР, где участвовал в IV Международном конгрессе славистов с докладом о «Евгении Онегине».

⁹ Иваск обыгрывает название «Готского альманаха» («Almanach de Gotha», «Gothaischer Hofkalender») — генеалогического, дипломатического и статистического ежегодника, содержащего сведения о знатных родах Европы и публиковавшегося под разными названиями в городе Гота в 1763–1944 гг.

¹⁰ Имеется в виду друг Чиннова Анатолий Реннинг, который работал тогда в Стокгольмском архиве в Швеции (см. примеч. 9 к п. 4).

8

University of Washington. Department of
Far Eastern and Slavic Languages and Literature.
4.VI.1963

Дося!

Получил письмо от Хомяка. Он рад контакту с Канзасом. А сколько №№ выпускать и какое будет число страниц — это уж ваше дело.

Ах, да — Хомяк говорит о двух редакторах — Андрееве и Чиннове. Пусть так и остается! Я же готов войти в «ближайшее участие» или в ред <акционный> комитет. Очень даже готов!

Начинаю другую интригу: уже написал в Индиану¹ — о приглашении соседа по штату — Чиннова — для чтения стихов. На week-end*. Это пробный камень старого интригана. Если не захотят платить гоно-рар, то должны оплатить дорогу. Но об этом я еще не пишу. Только зондирую. Не настаиваю, но ничего не буду иметь против приглашения из Urbana**. Тоже на week-end.

Мои аттракционы:

На низком уровне: картинки Афона с комментариями.

На высоком уровне: вступительная лекция по истории р<усской> лит<ерату>ры и культуры. Полируется ее англ<ийский> текст, но можно и по-русски.

Учти сие в Urbana. Но это не римско-правовое do ut des***. Я — тебя в Блумингтон, а ты меня — в Урбану. Нет.

Сколько у тебя часов занятий в Urbana? Нагрузка. У меня здоровенная — три часа в день. И какая оплата?

Твой Ю.

Послание от Адамовича.

Пишет: «Не браните Евтушенко. Или я совсем болван, или это настоящий поэт. Воды сколько угодно, чепухи еще больше, но за две-три его строчки можно все простить... Я убедил в этом Гингера»². Вот что пишет сам Адам. Он уже в Мюнхене и пробудет там до 1-го августа.

Еще: «Мне очень жаль, что его (Чиннова) здесь нет, и вовсе не для баров с развлечениями!»

Еще: «Если будете писать Чиннову, пожалуйста, передайте всякие чувства и пожелания. Слышал, что он в Америке процвел, и очень рад этому».

Уговариваю его съездить в Афины после Мюнхена. Лидия³ ему написала, что Акрополь «ничего особенного», вот дуреха. Предсказал, что он (Адам) напишет совсем изумительное стихотворение в Ницце, но после Афин. О, он очень этого хочет! Все знаю, како старица, вижу на аршин под землей!

Червинская:

Акрополь — ничего особенного,

Особенная — я...

Адамович:

Не Акрополь и не Эгеи

Голубеющая волна...

* уик-энд, выходные (англ.).

** Урбаны (англ.).

*** даю, чтобы и ты мне дал (лат.).

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 13, 14. Автограф, написанный чернилами.

¹ Речь идет об Индианском университете в Блумингтоне. Иваск пытается организовать поездку туда Чиннова с чтением стихов, чтобы иметь возможность с ним увидеться. Или предлагает Чиннову, который тем летом собирался преподавать в летней школе в Урбане, организовать поездку Иваска с лекциями в Урбану. Там Иваск мог бы рассказать об Афоне, где он прожил 2 недели в 1960 г.

² Гингер Александр Самсонович (1897–1965) — поэт «первой волны» эмиграции. Автор пяти книг стихов. Муж поэтессы Анны Присмановой.

³ Имеется в виду Лидия Давыдовна Червинская (1907–1988) — поэтесса. Жила в Париже, потом в Мюнхене, где работала на радиостанции «Свобода». Автор нескольких стихотворных сборников.

9

ЧИННОВ — ИВАСКУ

[Lawrence, Kansas.] 2.10.1963

Ослик! Но статья¹ же совсем сырая. Недоработана, нелогична, сбивчива, неясна по теме, дать ее в таком виде — значит подвергнуться бесчисленным насмешкам. Ты начинаешь, дозируя, читая лекцию, с общеизвестного! (И перемежаешь общие места сомнительными доводами, напрашиваясь именно на читательское по твоему адресу «Мели Емеля», сам подсказываешь!) Отклоняясь от темы неизвестно почему, ты перечисляешь то, «что интересовало Мандельштама» — зачем?! Как говорит М<ария> Самойловна [Цетлина] — ты порешь чушь на мой слух, утверждая, будто «амурова» слышится в «молвила». Ты пишешь избитые фразы вроде «его манили и пленяли» — словно пошлый журналист. Почему, сказав «поговорим о Риме», М<андельштам> Рим обрусил??!

Почему Тютчев согрел хаос задушевностью? Входило в его замысел такое?!! О, страшных песен сих не пой! Родимый хаос — роденький, что ли?! «Родимый» означает у Тютчева, полагаю, лишь указание на то, что мы хаосом порождены, что хаос — прародина наша. Не родименький хаос, который «обрусел, омужичившись»! Вкривь и вкось ты толкуешь, Ослик, что с тобой? Тютчев, шеллингианец, нередко в русском языке ошибавшийся из-за Мюнхена, франц<узского> языка и пр., здесь выразился не совсем точно. Если бы он захотел хаос «согреть задушевностью», стихотворение лишилось бы смысла, — и не в «захотел» дело, а в невозможности задушевности в этом контексте.

Переход от хаоса к Виктору Шкловскому² сразу осмыслить невозможно. Надо перед Шкловским сообщить, что ты ставишь вопрос о том, что такое «литературное произведение» и что такое литературный анализ, и нужен ли последний.

Все похоже на звукозапись лекции для студентов. Ссылка на Чарского в «Египетских ночах» столь же вразумительна, как в чьей-то пародии: «О! — как сказал Шекспир». Или как у Горбова³ ссылка на московскую барышню. Почему «поговорим о наших делах» надо подкреплять авторитетом Пушкина? И «Поговорим о Риме — дивный град!» — строка выпренная, и «поговорим» в ней звучит не «обиходно».

За отсутствием начала, не могу уяснить, какова твоя тема. Инструктовка? Семантика и фонетика? О чем речь? Но это не статья, это не организовано. Не шли — пусть полежит. Доработаете (не сразу, взяться за это надо будет не так, чтобы «в один прием»). В этом виде кое-где — будто пародия на Иваска, сочиненная Завалишиным⁴. Худшее в твоей манере гипертрофировано.

Вот, Ослик. «Я строг, но справедлив». Потом спасибо скажешь. Это недостойно Петуха. Добавь интересных мыслей. В твоей пустой башке они водятся. О стихах — после. Целую Ослика, Собаку и кошку. И остаюсь

Свиноматка, т. е. профессор Чиннов, Дося.

На полях:

«Афон»⁵ весьма одобряю. Своеобразно, интересно, хорошо. Мексиканское же — не совсем сделано, не во всем убедительно. В последнем присланном удачно многое, кроме начала.

P.S. Ты старый идиот (я тоже). Пупс⁶, отлупи его! Пори ежедневно.

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 86, 87. Ксерокопия автографа, написанного чернилами.

¹ Речь идет о черновом варианте статьи Иваска. В 1964 г. в исправленном виде она появилась в «Новом журнале» (№ 75) под названием «Волшебные звуки». В журнале Иваск пишет о звукописи в стихах, о том, что нужен анализ стихов, «постижение правил и загадок художественной игры». Это «утончает понимание и обостряет наслаждение» от чтения стихов. Среди прочего Иваск, разбирая стихотворение О. Мандельштама «Поговорим о Риме — дивный град!» (1914), пишет: «Существенно, что Мандельштам выбрал такое простое, обиходное выражение. <...> То же выражение, но с другой интонацией, прозвучало в пушкинской «Лицейской годовщине» (19-го октября 1825 г.): «Поговорим о бурных днях Кавказа, / О Шиллере, о славе, о любви». <...> Мандельштамовское обращение «поговорим» вызывает ассоциации <...> образ Рима переносится в русскую ат-

мосферу, русеет» (с. 161). Разбирая строфу стихотворения Ф. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..» (1830-е), начинающуюся словами «О, страшных песен сих не пой / Про древний хаос, про родимый!», Иваск утверждает, что «тут философский, но и очень реальный, ветровой хаос награждается эпитетом родимый...» (с. 163).

² Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — литературовед, критик, один из основателей формальной школы в литературоведении. В опубликованном варианте статьи Иваск вообще не упоминает о нем, ограничившись фразой о том, что формалисты «очень много сделали для изучения русской звукописи» (Новый журнал. 1964. № 75. С. 159).

³ Горбов Яков Николаевич (1896–1982) — писатель, критик, один из редакторов парижского журнала «Возрождение» (с 1961 г.). Автор нескольких романов на русском и французском языках. Позже, с 1978 г., — муж поэтессы И. Одоевцевой.

⁴ Вячеслав Завалишин регулярно печатал в газете «Новое русское слово» рецензии и критические статьи.

⁵ Речь идет об опубликованном в «Новом журнале» (1963. № 73. С. 32–37) стихотворении Иваска.

⁶ Чиннов обращается к жене Иваска Тамаре Георгиевне.

10 ИВАСК — ЧИННОВУ

[Seattle.] 5.10.1963

Дусенька, признаюсь — обосрался...

Мели Емеля — твоя неделя... Все же имеются возражения...

Ты хочешь сказать, что мюнхенец Тютчев подзабыл русский язык и вместо РОДНОЙ («генеалогическое» понятие) поставил РОДИМЫЙ? Но в этой же строфе он внимает повести любимой. Любимо — и родное, и родимое (батюшка-матушка, сторонushка).

Я лично понимаю — именно родимый хаос, кот<орый> мне больше «нравится», чем нейтральное родной.

Обрусение... Все-таки Рим — часть глагола поговоРИМ. Т. е. очень русского выражения. Звучит высокопарно, потому что Рим. Поговорим о делах — нечто обыденное, бытовое.

Но: одергивай, толкай в локоть, даже наступай на мозоль. Полезно для моего духовного здоровья. Но и хвали — заслуживаю!*

Меня всегда подмывало говорить не по-людски. Некоторое хлебниковское начало. Идиотизм плюс гениальность**.

Обдумаю...

Мексиканские стихи обрабатываются. Вот другой вариант «Тонан-цинтлы»¹:

* Последнее предложение приписано Иваском чернилами.

** Последнее предложение приписано Иваском чернилами.

Быть Мексикой — пирамидой,
 Абстрактной величиной,
 И кактусовой обидой,
 Колочей, жгучей, земной...
 Зеленым злым попугаем... и т. д.

Нужно ли объяснять, что пирамида (замысел) и кактус (обида) — люди, мексиканцы? Равнодушно-мексиканская пирамида и «слезы людские», мексиканские, и озлобление — со зла-горя. Понятно?*

Получил ли карточки? Хороши ли?

Следовало бы исследовать, pardon** за эти звуковые повторы!***, в каком-нибудь семинаре короткие амфибрахии и дактили в р<усской> поэзии до Чиннова. Не одна только московская барышня писала: «Розы стоят на столе...» и т. д. В этом смысле Яков Горбов наводит на размышление. Что-то такое может быть у Фета, у Блока. Еще о «родимом» — Булаховский² относит это слово к «лексике ласковости». Что скажешь об этом термине?

Ю.

В конце письма приписано чернилами:

По-видимому, с Марковым прекращены дипломатические отношения³, но хотя военных действий не было, да и не будет.

Моршен ответил открыткой — означающей охлаждение.

То письмо Адамовичу послано, но, по-видимому, незачем было его посылать. Он такой маститый, и такой милый — его надо хвалить, а при встречах — слушать, болтать, смеяться.

Знаешь ли мнение марковской жены⁴ об эмигрантской лит<ерату>ре? — «Богадельня, и не связывайся с богаделками».

«Леонтьев»⁵ в «Возрождении» продолжается. Я не снобировал оптинских старцев! Завалишин решил, что я их мог бы снобировать, и вложил в мое сердце моноклъ <нрзб>.

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 28, 28-об. Машинопись со вставками чернилами рукой Иваска.

¹ Стихотворение из книги стихов «Хвала» (Вашингтон, 1967), датированное ноябрем 1963 г. и посвященное поэтом своей жене, Тамаре. До выхода книги текст публиковался Иваском в альманахе «Мосты» (Мюнхен, 1966. № 12. С. 113), там он озаглавлен иначе — «Santa Maria Tonantzintla» и не имеет посвящения. Стихотворение названо по имени

* Два последних предложения написаны Иваском чернилами.

** прости (фр.).

*** Последняя фраза (начиная с «pardon») приписана Иваском чернилами.

поселка Санта-Мария-Тонанцинтла в мексиканском штате Пуэбла. Иваск не раз бывал в Мексике. Поэт неоднократно обращался в своем творчестве к образу Тонанцинтлы («Чолула», «Играющий человек»). Приведенные им далее в письме строки не встречаются в окончательном варианте стихотворения; ср.:

Бабочками впорхнули,
Розовый глиняный рай,
Ангелы зашуршали,
Зашелестели цветы.

Херувимского хора
Эхо-хрусталь
Огласило хоромы
Хрупкой хвалой.

Мячиками мечут
Повыше алтаря,
Костка и Гонзага,
Святые шалуны.

А Франциск Ассизский,
Приплясывая чуть,
Улыбнулся птичке,
Поющей на плече.
Ауканье, гулы
И переполох,
И прятки, и пляски,
И времени нет.

² Булаховский Леонид Арсеньевич — автор учебника «Введение в языкознание» (М.: Учпедгиз, 1953).

³ Видимо, речь идет о временном прекращении переписки Иваска с Владимиром Марковым. Объяснение, возможно, кроется в письме Маркова Чиннову от 21 декабря 1963 г., где Марков писал: «Я не считаю эмигрантских поэтов за людей? А кого же я считаю — советских, что ли? Если уж выбирать, то я беру первых. Но, что правда, то правда: я как-то оравнодушел, ничьих стихов не жду; когда друзья (Моршен, например) показывают стихи, читаю по обязанности, с внутренним холодком. Короче, у меня ощущение, что не надо их, стихи, писать. Хватит. Вы скажете, я, как евнух, всех кругом хотел бы кастрировать. Вполне возможно» (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.1. Ед. хр. 15. Л. 28). Марков упоминает здесь о своем ранении, полученном на войне. Чиннов переписывался с Марковым, судя по сохранившимся в архиве Чиннова письмам, до 1980 г., несмотря на их разногласия в отношении к «парижской ноте».

⁴ Жена Владимира Маркова — Лидия Ивановна (урожд. Яковлева; ум. 2001). В конце 1930-х гг. была актрисой Ленинградского государственного театра драмы (бывш. Александринский театр), затем в эмиграции пыталась сделать актерскую карьеру в Голливуде.

⁵ Имеется в виду биографическая книга Иваска «Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество» (отд. изд. — Берлин, 1974) о философе, писателе и публицисте К.Н. Леонтьеве. Книга сначала печаталась частями в журнале «Возрождение» (1961. № 118; 1962. № 121, 124–131; 1963. № 133–135; 137–141; 1964. № 146–151).

11

ЧИННОВ — ИВАСКУ

[Lawrence, Kansas.] 6 октября 1963

«Петух, превратившийся в ослика». Вот именно.

Во-первых, письмо¹ смахивает на статью — не слог письма: «рано погибший», «жили и творили». Юра! Постыдись!

Во-вторых, и это уже серьезнее: нет логики! Ты готов подписаться под манифестом, но ты совершенно не согласен. Белокурый брюнет!

И как это А<дамович> говорил за все (незамеченное) поколение?! Из этого поколения с ним заодно я, Штейгер², Червинская — да и то говорил он не за Шт<ейгера> и Черв<инскую>, а они пошли за ним, убежденные его шармом, но внутренне едва ли ему созвучные в самом главном. Остальное же «поколение» почти целиком объявило бы мысли А<дамовича> брехней, если б о них знало (в незамеченном поколении Варшавского есть нацмальчики, и кого только нет! А ты: «за все поколение говорите!»).

О цветаевских успехах ты вставил нарочно, я знаю, но вышло некстати.

О чем письмо? Если ты хочешь сказать А<дамовичу>, что бывает прекрасная поэзия и настоящее искусство, — то это зря, т. к. он это сам знает. Он хочет сказать, что:

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел —

А только А<ve>, М<ater> D<ei>*,³ кричал! Адамовичу все не «окончательно, безусловно необходимое, заключительное, предельное» представляется хоть и не лимонадом⁴, но чем-то, чего вполне серьезно он принять не может. Я эту точку зрения разделяю — с огромной,

* Радуйся, Богоматерь (лат.).

однако, разницей: такими «не безусловно необходимыми» стихами я все-таки могу наслаждаться.

Ты Burrito*, дорогой, estimado Burrito**, написал не по существу, и даже мыслей своих вовсе не воплотил в слова, доводы остались вне бумаги, перечитай свою «Возможность поэзии»!⁵ И не подноси А<дамовичу> новостей, вроде того, что Державин не лимонад.

Еще нелогичность о еретиках, терявшихся в зарослях: ни Поплавский, ни Гингер не заплутались, а создали каждый свой стиль, свою поэзию.

Чмокаю твою глупую морду. Лобызаю сестру Пупсию⁶. Кошку лобызать отказываюсь. За снимки muchas gracias***. Я,

красавец Доська.

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 88. Ксерокопия автографа, написанного чернилами.

¹ Речь идет о письме Иваска Адамовичу. Иногда друзья обменивались копиями своих писем к другим адресатам. Письмо не сохранилось.

² Штейгер Анатолий Сергеевич, барон (1907–1944) — поэт «парижской ноты». Был хорошо знаком с Георгием Адамовичем.

³ Аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный» (1829). Чиннов цитирует оттуда строки 13–14. Ср.: «Полон верой и любовью, / Верен набожной мечте, / Ave, Mater Dei кровью / Написал он на щите».

⁴ Аллюзия на оду Г.Р. Державина «Фелица» (1782); ср.: «...Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна, / Как летом вкусный лимонад».

⁵ Статья Иваска «Возможность поэзии», в которой он спорит с Адамовичем, была напечатана в альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1960. № 1. С. 248–257).

⁶ Имеется в виду супруга Иваска, Тамара Георгиевна.

12 ИВАСК — ЧИННОВУ

[Seattle.] 10.10.1963

Дусенька,
нелогичность моего послания к Г.В. А<дамовичу> отчасти объясняется моим нежеланием его задеть¹. — Любовью!

* Ослик (исп.).

** уважаемый Ослик (исп.).

*** большое спасибо (исп.).

«Рано погибший Гронский»², — придирика. Такое можно найти и у Пушкина. А Чиннов пишет: я разделяю точку Адамовича. Как ты ее разделил: пополам? Или иначе? Себе взял большую половину? Но «не бойся» — придирайся!!!*

Я точки зрения Адамовича не разделяю (хоть любовь и помешала мне яснее выразиться в послании).

Вот — то, и другое —

...и щука с голубым пером
Прекрасны...³

М<ожет> б<ыть>, здесь vision** рая? Не только обед в державинской Званке. А рай — нечто очень существенное.

Ад вымощен добрыми пожеланиями, а рай — хорошими стихами (красочными).

Все же Досифей умница: хорошо разъяснил эту самую точку зрения Адамовича: отрицание всего случайного, всего того, что не «окончательно, безусловно необходимо» и т. д. Его А<ve>, М<ater> D<ei>. Я этого не вполне понимал. А ты — молодец! Теперь уразумел, но продолжаю отрицать. Чмок.

*Буррито*⁴

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 29. Машинопись со вставками чернилами рукой Иваска.

¹ Г. Адамович, И. Чиннов, Ю. Иваск были много лет в переписке. И из писем видно, как трогательно, по-дружески, они друг к другу относились. Вот, например, строки из письма Адамовича Чиннову от 16 декабря 1965 г.: «Мне написал Иваск, что у него умерла мать, и письмо какое-то растерянное. Я за него встревожился. Когда я о нем думаю, то вспоминаю то, что Блок когда-то говорил Кузмину на вечере, уже после революции, что-то в том смысле, что “мне страшно за Вас в этом грубом и жестоком мире”. Иваск, действительно, цветок, одуванчик, и за него может стать страшно. Это “между нами”, не для передачи» (Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. С. 132).

² Гронский Николай Павлович (1909–1934) — поэт. Погиб молодым — попал под поезд в метро в Париже. Увлекался стихами XVIII в., Г.Р. Державиным. Принципы «парижской ноты» Адамовича не разделял.

³ Неточная цитата из стихотворения Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807); ср.: «Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером / Там щука пестрая: прекрасны!» Иваск предполагает, что, возможно, Державин не просто описывает здесь обед в своем

* Последнее предложение написано Иваском чернилами.

** образ, видение (англ.).

имении Званке, а рисует картину рая. Идея такого земного рая, с «соленым огурчиком» — очень нравилась Иваску.

⁴ То есть ослик (от исп. burrito).

13 ЧИННОВ — ИВАСКУ

[Lawrence, Kansas.] 28 октября 1963

Ослик, рисунки «тонанцинтлие»¹ неплохо, но совершенствуйся. А где очерк в «Н<овом> р<усском> с<лове>»? В каком № это было? Я выпишу.

С табелью о рангах² не совсем согласен. Например, ты недооцениваешь Алешку Толстого. Это талантище! Ранние рассказы его с большой прелестью. И т. д. — но об этом после.

А о рассказе... Я вообще против импрессионистической прозы. Письма твои прелестны, в худ<ожественной> же прозе твоей мне не нравится уже звук, течение фразы. И — все неубедительно, твое слишком личное читателю не передается (я понимаю, ибо знаю подтекст). «О чем это, зачем?» — спросит читатель. Знаю, что теперь многое пишется вне всяких связей, мотивировок, композиции (композиция у тебя, впрочем, есть). Но как-то это мне «ничего не говорит»: люди показаны тончайшим пунктиром, все расплывчато. Словесных удач нет вовсе, а урины и колбаски — даже пошло, и тебя скомпрометирует — выбрось, Ослище! Это же дешевка — где твое остроумие? Чмок-чмок, дурачина. Квартира будет — шик, блеск. Одна комната — Георгиевский зал.

На полях:

А в стихах — «Моя ограблена гробница»³ — прелестно! «Где серебро и где рабы?» — превосходно! И стихи о Тонанцинтле хороши. Теперь иди к е<--->⁴ матери, Доська занят. Пиши, но ответа не требуй, а то дам в морду.

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 92. Ксерокопия автографа, написанного чернилами.

¹ Иваск присылал Чиннову схематичные рисунки находящейся недалеко от Тонанцинтлы знаменитой ступенчатой пирамиды в Чолуле, крупном центре доиспанской культуры народов древней Мексики. Пирамида является самым высоким сооружением доколумбовой Америки. См. также примеч. 1 к п. 10.

² Речь идет о распределении Иваском мест среди русских писателей, возможно, содержащемся в одном из несохранившихся писем.

³ Чиннов цитирует здесь и далее стихотворение Иваска «Монт Альбан» из книги стихов «Хвала», посвященное Монте-Альбану, древнему центру цивилизации сапотеков, а позднее — миштеков. До выхода книги текст публиковался Иваском в альманахе «Мосты» (Мюнхен, 1966. № 12. С. 109), однако там он назван на испанский лад «Mont Alban» (правильно: Monte Albán).

⁴ Слова оригинального авторского текста, неудобные для печати, здесь и далее обозначаются тремя черточками (дефисами) в ломаных скобках, независимо от количества букв в слове.

14 ИВАСК — ЧИННОВУ

[Seattle.] 2.XI.1963

Досифей, получил еще одно твое письмо.

Очень милое. Но... см<отри> ниже*.

Раз в пять лет меня «порывает» написать рассказ. Вот опять потянуло. Написанное мне не нравится, и с твоей критикой я согласен. Не тот тон. Так что дело не в отдельных фразах. В *Поисках Друга*¹ что-то всерьез сказано, а здесь и этого нет.

Очень мне хотелось выразить мою Мексику, спеть о ней песню песней, но, видно, не удалось. Вот и добрый, далекий от литературной злобы дня, милый Моршен пишет: «не следую за вами», не «заражаюсь» вашей Мексикой. Терапиано хвалил *Афон*, но тоже в мою Мексику не едет. Все это люди очень разные. Моршен тоньше Терапиано, Свиноматка еще «тонее». А может, у вас (дураков) недостаточно воображения?

«Тонанцинтла» задерживается из-за испанских благоглупостей Андрея Седых². Но напечатана будет. Пошлю и «Тарасканию». Вейнбаум³ всегда дает мне красный угол в своей газетэ. Считает меня хорошим репортером. Все же — сволочь!

Вообще же я зол. Служебные трения, «Леонтьева» не переводят. Никто не зовет читать публичные лекции. Мою лексику не понимают, не принимают.

Утешение слабое — мои американские ученики. Оба уже написали ответы на мои 19 вопросов, кот<орые> я даю для дженеральс, т. е. для их «государственного экзамена». Было сказано: без знания Аввакума и Розанова на экзамен не приходиться. Но на Леонтьеве я не настаиваю!

* А Досифей — в полуопале! Может заниматься мебелью и не писать. Освобождается от корреспонденции. — *Примеч. Иваска.*

И они знали Аввакума и знали Розанова. В статьях я «прыгаю» (импрессионизм), но в академии — серьезен, методичен, иногда педантичен. Как известно — этой страной я не восторгаюсь, но те два янки мне более симпатичны, чем наши русские дамы, кот<орые> тоже пишут диссертации.

Кропаю по-английски о «Бесах» и воображаю Кармазиновым⁴. Хочется сказать «мерси» и уехать на покой в Баден-Баден.

Читаю варианты «Войны и мира»⁵. Сохранена орфография великого писателя земли русской. Яснополянский мудрец писал противУречия... и таких перлов много. А в окончат<ельной> редакции — князь Багра-тион сидит с длинным подбородком на скамье... (Или — на скамье с длинным подбородком).

Александр Сергеевич тоже писал очень по-своему. Но орфография сохранена только в издании писем Модзалевского⁶.

Боратынский спрашивал Дельвига: «Что ты называешь родитель-ным падежом?»⁷. Последняя мексиканская авантюра в стихах⁸:

Тенью, тайной — обманом
Возвышенным обернусь,
Я Максимилианом
Фантазии назовусь —

Сумасшедших шоферов
И сгорбленных кустарей,
Знахарей-черноморов,
Черноволосях чертей —

Черноглазых мальчишек,
Голодной резвой толпой,
Всюду, без передышки,
Гоняющихся за мной.

Дымом или туманом
Серя, белея, вьюсь.
Я Максимилианом —
Развеянным вознесусь.

На полях написано чернилами:

Слышал ты о Максимилиане?⁹ Император Мексики 1864–1867.

И — Мерси, почтеннейшая публика, Мерси!

Кончилась опала¹⁰ Струве. О мелочах и слухах он хорошо пишет.

И после летней опалы весьма мило себя ведет.

Марков в полной опале (с августа).

Йель¹¹ хочет купить мои архивы и устроить выставку реликвий Юрия Иваска с его портретом и даже записанным голосом.

Не Ослик, а «Юрий Павлович, который ездит в Мексику»

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 35, 36. Ксерокопия машинописи со вставками чернилами рукой Иваска.

¹ Один из прозаических набросков Иваска. Текст в архиве ОР ИМЛИ не сохранился. Иваск говорил в интервью с американским славистом Ласло Диенешем: «Я написал также и (автобиографический) рассказ “В поисках друга”, но он не напечатан, он неудачен» (цит. по: Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Публ. Н.А. Богомолова // Диаспора. Новые материалы. СПб., 2003. Вып. 5. С. 538).

² Седых Андрей (наст. имя Цвибак Яков Моисеевич; 1902–1994) — писатель, журналист. С 1942 г. и до самой смерти редактор (с 1973 г. — главный редактор) газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). В 1963-м он еще не был главным редактором, потому Иваск собирается обратиться к М.Е. Вейнбауму (см. примеч. 3).

³ Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) — главный редактор газеты «Новое русское слово» в 1922–1973 гг.

⁴ Кармазинов Сергей Егорович — отрицательный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871–1872). Писатель-западник, в образе которого карикатурно изображен И.С. Тургенев.

⁵ Черновые редакции и варианты романа «Война и мир» печатались в т. 13–15 (1949–1955) издания: *Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1928–1958.*

⁶ См.: *Пушкин [А.С.]. Письма: [В 3 т.] / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926–1935.*

⁷ В воспоминаниях А.П. Керн сохранилась запись этой фразы из разговора Е.А. Баратынского (Боратынский; 1800–1844) с А.А. Дельвигом (1798–1831). Керн пишет: «Баратынский не ставил никаких знаков препинания, кроме запятых, в своих произведениях и до того был недалек в грамматике, что однажды спросил у Дельвига в серьезном разговоре: “Что ты называешь родительным падежом?”» (*Керн А.П. Дельвиг и Пушкин // Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Правда, 1989. С. 76; ср.: Там же. С. 49).*

⁸ Было ли это стихотворение напечатано — установить не удалось.

⁹ Фердинанд Максимилиан Иосиф фон Габсбург (1832–1867) — австрийский эрцгерцог, брат императора Франца Иосифа I, император Мексики с 1864 г. (под именем Максимилиана I). Проводил либеральную политику. Был расстрелян по приговору военно-полевого суда.

¹⁰ То есть прекращение Иваском переписки с ним. Иваск периодически подвергал «опале», как он писал, своих корреспондентов — по разным причинам переставая писать им.

¹¹ Йельский университет.

15 ЧИННОВ — ИВАСКУ

[Lawrence, Kansas.] 16 ноября [1963]

Дорогие рожи, (полу)заказал «roomette»* в поезде Union Pacific¹ на 20-е дек<абря> и, вероятно, приеду 22-го в половине второго дня. Но уезжать от Вас надо 1-го января в 8 часов утра**, чтобы попасть в 8 часов 3-го января в Лоренс, — а через полчаса моя лекция! И еще более неприятно, что стоит это не то 190 долл<аров>, не то 171 долл<ар>, деньги весьма серьезные. Если б это не к Вам была поездка, ребятишки, ни за что бы таких денег на transportation*** не выбросил! Тем более что перевоз вещей мне обошелся в 1105 долл<аров>, причем часть ценных книг пропала! А мой перелет — в 1680 марок! Это все так мои капиталы подгрызло, что надо бы экономить, а не тратиться на разъезды. Я считаю большие расходы на передвижение вообще чем-то противоестественным, противным рассудку... Но, видно, придется уж раскошелиться. С большей охотой я раскошелился бы на нашу с Вами экскурсию в Мексику, но сознаю, что ехать зимой туда Вам, рожам, мало смысла. Очень огорчен всеми утечками из моего кармана... Налогу с меня здесь берут больше 200 долл<аров> в месяц, вместо 200 марок в Мюнхене, и вообще я беднею. Это сильно портит настроение Вашему Досе.

Последние твои стишки, Чухна, куда хуже ранее присланных, но полагаю, что их еще хочешь «to enrich»^{4*} добавлением каких-то витаминов.

Вейдле — через N<ew> Y<ork>, здесь — Бакус хлопочут о деньгах для новых «Опытов» под редакцией Иваска и Чиннова. Я сказал, что согласен. А ты? Советую согласиться.

Чмокаю морды. Слава Богу, что могу один жить: ибо людей здесь нет и бесед нет, хотя и Шт<аммлер>, и Сам, и др. — милые.

Incognito

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 93, 94. Ксерокопия автографа, написанного чернилами.

* купе спального вагона (англ.).

** А сразу после встречи N<ового> года! А самолет совсем уж дорог, это нельзя! —

Примеч. Чиннова.

*** транспорт, проезд (англ.).

^{4*} обогатить (англ.).

¹ Юнион Пасифик — американская компания, владеющая самой большой сетью железных дорог в США, основана в 1862 г.

16

Lawrence, Kansas. 22 ноября 1963

Ослик! Начну элегическим размышлением. Вот хлопотал бедняга Кеннеди¹ ради президентского кресла, мотался по предвыборным собраниям, из последних сил улыбался и жал руки бесчисленному сброду — и все это оказалось для того, чтобы на 46-м году жизни хлопнули его, как тетерева. Суета сует все, и всяческая суета².

Прилагаю копию письма моего Хомякову³ — о редакторском кресле (менее опасном, чем президентское, и о котором я не хлопотал так, как покойник о президентском, но...). Редакторский сей Sessel* оказался вроде шкуры неубитого медведя — зря велась о нем переписка, напрасно, и не надо было мне заражаться оптимизмом Осв<альда> Осв<альдовича> [Бакуса] — попал в положение соблазненной белошвейки, невинность как ветром сдуло, а от соблазнителя, О<освльда> О<свальдовича>, даже слова сожаления не слышу (но это между нами). Говоря же просто — поставлен в положение очень незавидное, и более ни с кем связываться не стану, и ни к каким прожекам меня пристегивать не позволю.

В понедельник — переезд в новую квартиру, возня ужасная, выбился из сил.

Западное Рождество, видно, придется справлять здесь, а потом лечу в Чикаго и оттуда, вероятно, в Н<ью>-Й<орк>, ибо это дешевле всего (в Мексику лететь — кусается). Вас, чертей, не подобешь приехать в Вавилон (Город Желтого Дьявола), так что и не пытаюсь уговорить.

А на иеремиады твои, что не даю настоящей критики мексиканского цикла, отвечу, что ты идиот: все, что мне понравилось, я отметил, напр<имер> великолепных:

Моя разграблена... и т. д.

Где серебро... и т. д.

В целом же — не очень ндравится, куда ниже «Афона», пиши дальше, балбес великовозрастный, авось, из-под пера твоего выйдет, вместе

* кресло, стул (нем.).

с говном, и брульянт. И черкни письмишко, и кланяйся женушке и кошке, и помни, что ты осел, каких свет не производил, да.

Я же — тоже осел, как доказывает авантюра с «Мостами», е<---> мать. Воображаю, как чешут языки некоторые мои приятели, добрые знакомые. Но пошлем их к е<---> матери, уже упомянутой. С альмама-терным же приветом

профессор Досифей

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 98, 99. Ксерокопия автографа, написанного чернилами.

¹ Письмо было написано в день убийства Джона Фицджеральда Кеннеди (1917–1963), 35-го президента США (1961–1963 гг.).

² Библейская аллюзия (см.: Екк. 1: 2); ср.: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета!».

³ Из письма Чиннова Г.А. Хомякову (Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 100, 101), отправленного 7 ноября 1963 г.: «Дорогой Геннадий Андреевич!

Пишу Вам, скажем прямо, с чувством неловкости. Обнадежил Вас, сулил близкую и благоприятную развязку “кризиса” — и вот дело замерло.

На днях Осв<аль> Осв<альдович> Бакус вернулся из Вашингтона. Обычно он очень откровенен, но теперь высказывается не вполне ясно, говоря, что не имеет права давать огласку своим предположениям и догадкам, которые, может быть, вовсе неверны.

Не знаю, правильно ли я толкую его недомолвки и верны ли мои “предположения” и “догадки”. Поэтому, только на авось и без гарантии, выскажу такие гипотезы (основанные не только на интерпретации того, что мне сказал Осв<аль> Осв<альдович>, но и на слухах из других источников).

Не исключено, что американские правительственные круги в конце концов отпустят средства на издание журнала — но журнала, ничем не связанного с ЦОПЭ, как связаны с ЦОПЭ были «Мосты». Совсем нового журнала — полностью нового, вплоть до состава редакции.

Если не ошибаюсь, “несчастье” “Мостов” (а, может быть, и черное пятно на Вашей биографии, пятно, дисквалифицирующее Вас? Не знаю) — несчастье в былой связи с ЦОПЭ.

Насколько понимаю, “на верхах” не хотят, чтобы на новое издание лег тот “odium” [позор] “политиканства”, активного антикоммунизма, который из-за ЦОПЭ ложится, якобы, на “Мосты” (?).

Но еще раз: возможно, что это мое толкование и неверно.

В заключение — коротко о себе: как бы то ни было, если с провалом наших проектов отпадет и вопрос о моем “редакторстве” или “соредакторстве”, я это восприму со смешанными чувствами. Материально, в смысле “профессорской” моей “карьеры”, — это будет означать явный ущерб, конечно: редакторство сулило повышение зарплаты. Но зато останется больше времени для стихов. <...>

Но довольно обо мне. Вернемся к судьбе “Мостов”. Не знаю, заполнит ли их место тот журнал, который, может быть, возникнет (а, может быть, и не возникнет). Я после пятой–шестой (точно не помню) книги почувствовал к “Мостам” симпатию, которую к туманному облику какого-то, “может быть, будущего издания”, питать, естественно, не могу. Хотя и сознаю, что гораздо лучше хоть какой-то журнал, чем ничего. В общем же, едва ли нужно, чтобы в этом письме я говорил жалкие слова и изливался в сожалениях (думаю, это вызвало бы в Вас только досаду). Слишком ясно, что положение Ваше не может быть приятным ни Вам (по одним причинам), ни мне (по причинам одним, другим и третьим). Все-таки вот что мне приходится сказать: простите, что невольно ввел Вас в заблуждение, заразил надеждами, которые не оправдались. И под конец — не для того, чтобы снова “обнадежить”, а в порядке информации — одно мое (ни для кого не обязательное, сознаю), впечатление. Мне все-таки кажется, что “рано или поздно” профессор Бакус “Мосты” воскресит, пусть и не в прежнем их виде <...>».

Рядом с последней фразой — приписка, сделанная Чинновым в день убийства Кеннеди: Ослик, у меня сейчас такого впечатления нет.

17

ИВАСК — ЧИННОВУ

[Seattle.] 27.XI.1963

Досифей,

маша-машинка нездорова, и серьезнее, чем думал, так что приходится писать каракулями, иначе разучился.

Теперь я понимаю, почему большевики так легко свергнули Керенского с интеллигенцией! Слабо у нас общественное сознание! Нет чувства — представительства; или рабство, или — сентиментальный анархизм. Бакус добивался субсидий для русского журнала. Ему сказали: если дадим, то не «Мостам», не людям из ЦОПЭ. Оч<ень> жаль, но, следовательно, Хомяков должен быть устранен; единственный кандидат в ред<акто>ры в Канзасе — Чиннов; и если деньги дадут — он будет редактором; и тогда все должны радоваться: устраненный Хомяков, обремененный работой Чиннов, «соперник» Гуль и вся свободная Россия, которую мы представляем. Дело в журнале, а не в людях. Если бы назначали редактором Клименко¹, — вот это было бы худо (но его никто назначать не собирается).

Все ясно, как палец (выражение Петра Верховенского)². Не могу понять — какую беловшейку Бакус обидел! Но очевидно: свободная Россия в лице Чиннова должна всячески одобрять и вдохновлять нашего американского Архангела — Бакуса!

Бакусу недавно писал, но о журнале не упоминал. Если он ответит, напишу ему в качестве представителя свободной России: журнал

очень нужен, шлю братский привет и пр., а в детали входить не буду (и офиц<иально> я об этих деталях ничего не знаю).

Граждане! — больше общественно-культурной сознательности! Я старый интриган; недавно такую мину подложил (чужими руками) под моего здешнего противника, что он все еще не может очухаться и — капитулировал. Но на посту свободной России — кристально честен!

Очень ли нужны журналы? Нужнее всего Американского комитета. Их читает культурная интеллигенция, академик Виноградов³, и, вероятно, некоторые из его студентов, м<ожет> б<ыть>, Андрюша Вознесенский, который будто бы стал Свидетелем Иеговы (есть такая секта — Jehova's* Witnesses. Скажи об этом Штаммлеру и Бакусу; но, м<ожет> б<ыть>, это только «слух»!). Вывод: очень даже ты должен связываться с «прожектом» Бакуса. Должен быть журнал в Канзасе: и будет!⁴ И твое письмо прекрасно написано для зарядки Бакуса!

Недавно формулировал мою Мексику в стихах — мудрыми словами Чиннова: это — не на уровне «Афона». Видно — я все-таки православный, православный грек, а Мексика — блажь эстетика-неврастеника. Не так уж хорош и «Афон», но это — русская литература, а не графомания.

Будем высоко держать знамя! Будем сеять разумное, доброе, вечное!

Закончил неважную статью (англ<ийскую>) о Достоевском и всецело занят статьей о Мандельштаме⁵: она должна быть очень хорошей, превосходной!

Твой Гражданин Ослик, светлая личность, честный интеллигент

На полях:

Можно было бы умолчать о том, что тебе «Мосты» понравились с 5–6-го №!⁶ (А мне — кажется, с 3-го).

Трижды были на панихидах по новопреставленному, приснопамятному, убиенному рабу Божию Иоанну⁷ (это все — перевод с византийского, греческого языка). Кеннеди был солнечен, архангеличен и нашего поля ягода, интеллектуал. А теперь воцарился обыватель⁸ — м<ожет> б<ыть>, и неплохой человек, но обыватель, серая личность. Что-то шекспировское в событиях, имевших место в городе Далласе!⁹

Читал ли мою «Тонанцинтлу» в «Н<овом> р<усском> слове» (неделю тому назад, 10 ноября)? «Тараскания» отослана.

В «Р<усской> м<ысли>» много стихов Юры Трубецкого¹⁰, некоторые — хороши. Почему его не «пускают» в журналы? Увы, и я не печатал его в Опытах-Жопытах! Надо бы ему написать. Пишешь ли ты?

* Так в автографе.

С переездом на новую квартиру! Посмотрел бы на Георгиевский зал.
У нас пять котят — гадят в постель!

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 37, 37 об. Автограф, написанный чернилами.

¹ Клименко Михаил Яковлевич — эмигрант «второй волны», оказавшийся после войны в Германии, а затем в США, где стал профессором русской литературы. Изучал восточное богословие, историю церкви, был сторонником идеи единого, вселенского, восточно-западного христианства. Написал мемуары (о своей жизни — в СССР и на Западе), где говорит, в частности, что прежняя Россия, о которой помнила старшая эмиграция, для них, советских эмигрантов, канула в историю (см.: *Клименко М. Из трех миров: Пережитое... непреходящее: «...Долг, завещанный от Бога».* М.: Русский Путь, 2011).

² Верховенский Петр Степанович — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Иваск имеет в виду его слова: «...дело ясное, как свечка, и простое, как палец» (*Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 147*).

³ Виноградов Виктор Владимирович (1894–1969) — литературовед, лингвист, академик АН СССР (1946 г.). Разработал историко-литературный метод в литературоведении. Создал свою лингвистическую школу.

⁴ В ответ на письма Иваска по поводу журнала Чиннов написал ему 24 января 1964 г.: «Что же ты, старый дурень, забрасываешь меня прожектами, касательно содержания журнала, которого быть не может по отсутствию мани (money)? Нужно realistically thinking [реалистично мыслить]» (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 22. Л. 14).

⁵ Возможно, имеется в виду статья Иваска об О. Мандельштаме «Дитя Европы» (см: *Мандельштам О. Собрание сочинений: В 3 т. США: Международное Литературное Содружество, 1969. Т. 3. С. I–XXI*.)

⁶ Речь идет о словах Чиннова в письме к Г.А. Хомякову от 7 ноября 1963 г., см. примеч. 3 к п. 16.

⁷ Имеется в виду президент США Джон Фицджеральд Кеннеди, убитый 22 ноября 1963 г.

⁸ Речь идет о Линдоне Джонсоне (1908–1973), 36-м президенте США (1963–1969).

⁹ Д.-Ф. Кеннеди был убит во время визита в Даллас.

¹⁰ Трубецкой Юрий Павлович (наст. фамилия Нольден; 1902–1974) — поэт, писатель. Короткое время работал на радиостанции «Свобода» в Мюнхене. Выпустил три сборника стихов, несколько повестей, рассказов. Его стихи и критические статьи появлялись в разных эмигрантских изданиях.

С Новым годом, Свинодося!

Увы, опять работа для Чиннова! Влагаю оплаченный конверт с моими стишками¹... Проектируемый сборник, в котором я не уверен².

Отрыл у себя статью Игоря Чиннова по поводу «Царской Осени»³, но обстоятельств, хоть убей, не помню!

Сделал вытяжку из разных критических отзывов.

Статьи Чиннова и Адамовича, извиняющие автора: человек он хороший, и замысел его весьма поэтический, а исполнение??? Здесь напускается туман... И ничего не цитируется...

Как будто строчки у меня всегда были... Но жалуются одни только кухарки и горняшки!

Как съездил в Чикаго? Как в ЧикагЕ было? Кого видел? (А почему не Чикаг — ОН?)

Сидели тут сиднем дома. Читал «Историю» Соловьева.

7 апреля 1964 г. Адам<ович>у исполнится 70 лет, увы! Устраиваю для него продажу архива более чем за 500 долларов.

Об Адам<ович>е должны написать в «Н<овом> Ж<урнале>», «Р<усской> м<ысли>», «Н<овом> р<усском> слове»: Бахрах, Варшавский, Иваск, Кантор⁴, Одоевцева, Терапиано, Чиннов (в алфавитном порядке). Я напишу в «Н<овом> р<усском> слове»⁵. А Дуся? Смоди... А Адам<ович> мерзнет в нетопленной квартире...

Варшавский говорит: напишите стихи о Кеннеди. Я его ценил, однако — НЕТ. А Моршен напишет, бьюсь об заклад.

Ослик на Парнасе!

На полях:

Варшавский и Моршен до сих пор плачут: «работа валится из рук»!

Если уж воспевать, то [Папу] И<оанна> XXIII, П<авла> VI.

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 44. Машинопись со вставками чернилами рукой Иваска.

¹ Упомянутый конверт со стихами не сохранился.

² Видимо, имеется в виду книга стихов «Хвала» (Вашингтон, 1967).

³ Книга стихов Иваска «Царская осень» (Париж: Рифма, 1953).

⁴ Кантор Михаил Львович (1884–1970) — литературный критик. В 1934 г. они с Георгием Адамовичем редактировали литературный журнал «Встречи», а в 1936 г. составили антологию русской зарубежной поэзии «Якорь», вышедшую в Берлине.

⁵ Из всех перечисленных авторов лишь у Иваска вышла статья к семидесятилетию Адамовича: *Иваск Ю.* Адамович-критик // Новое русское слово. 1964. 5 апр. С. 5. Статей других авторов к юбилею Адамовича обнаружить не удалось.